

Э
С71

И В О Й Н Ы С И Н Т О Р Е Л И Г И Я

А.Б. Спелваковский

А.Б. Спелваковский

РЕЛИГИЯ

СИНТО

ИВОЙНЫ

Книга кандидата исторических наук этнографа А. Б. Спесивова в популярной форме рассказывает о синтоизме — древней национальной религии японцев, которая была взята на вооружение японскими милитаристами в качестве идеологического оружия.

В связи с ростом в современной Японии милитаристских сил обращение к проблемам, связанным с синто, является актуальным и современным.

Рассчитана на массового читателя.

Рецензенты —
доктор исторических наук
С. А. Арутюнов,
доктор филологических наук
В. Н. Горегляд

Рисунки
автора

Спесивов А. Б.

С71 Религия синто и войны. — Л.: Лениздат, 1987. — 112 с., ил.

Книга рассказывает о религии самурайства — синто, которую современные правящие классы Японии пытаются превратить в идеологию нации, использовать в пропаганде войны.

Рассчитана на массового читателя.

С $\frac{0400000000-260}{M171(03)-87}$ 94—87

86.31

© Лениздат, 1987

Введение

15 августа 1985 года, Токио, центральный столичный район Тиёда, холм Кудан, храм Ясукуни — одна из крупнейших синтоистских святынь Японии. Группа людей в черных парадных костюмах и белых рубашках с галстуками, окончив ритуал поклонения божествам синто, душам «погибших во имя великой Японии», покоящимся в храме, подошла к месту, где хранится книга для почетных посетителей. Один человек из этой группы начертал на ее странице иероглифы, означающие его фамилию, имя и еще несколько знаков: «премьер-министр Японии». Его примеру последовали остальные высокопоставленные посетители храма, оказавшиеся министрами и членами японского правительства. Они также поставили рядом с подписями свои титулы и обозначили занимаемые должности.

Высшие представители японского правительства прибыли в храм не на личных, а на государственных автомобилях, не прячась, как это было прежде, под облиkiem обыкновенных паломников. Таким образом был зафиксирован факт официального посещения храма Ясукуни высшим должностным лицом правительства Японии и членами его кабинета — верхушкой правящей Либерально-демократической партии. Причем этот акт был совершен именно в то время, когда исполнилось сорок лет с момента обращения императора Хирохито к японскому народу с рескриптом о капитуляции Японии во второй мировой войне.

Пока глава японского правительства и сопровождавшие его лица отдавали почести павшим в боях воинам внутри храмового комплекса, на улице перед храмом полиция разгоняла тех, кто протестовал против данной акции. Были произведены аресты. А еще через некоторое время по Японии прокатилась новая волна протеста, вызванная этим шагом главы правительства. Прогрессивной японской и зарубежной общественностью посещение премьер-министром и другими государственными лидерами храма Ясукуни было расценено как действие, ведущее к возрождению милитаризма в стране, как демонстрация поддержки правящей партией военщины и надругательство над памятью людей, погибших в войне, развязанной на Тихом океане японским империализмом.

Однако в чем же заключается связь между гибелью миллионов японцев, синто — их древней национальной религией — и протестами прогрессивной японской общественности?

Суть всех этих событий и фактов крайне трудно понять без рассмотрения их взаимосвязи в исторической перспективе.

На протяжении всей своей истории синтоизм в той или иной мере был связан с войной. Синтоистское духовенство несколько веков черпало всякого рода выгоды в общении со слоями военизированного японского общества. Именно божество синто Хатиман являлось у японских самураев богом войны. А национальная религия японцев входила в качестве составной части в морально-этический кодекс военно-служилого дворянства. Однако особое значение синтоизм приобрел в конце XIX — первой половине XX века, когда он превратился в религию милитаризма.

Синтоистский храм Ясукуни, или, как его первоначально называли, Сёконся («сёкон» — заклание, вызов духов или душ, погибших на войне, «ся» — синтоистский храм), был построен в конце 60-х годов прошлого века. Это время являлось тем переломным и важным рубежом истории Японии, когда новые нарождающиеся силы буржуазии при широкой поддержке народных масс свергли в ходе революции 1868 года, получившей название «реставрации Мэйдзи», власть сёгунов — военно-феодальных правителей, правивших на Японских островах в течение почти 700 лет.

Революция оставила в прошлом японский феодализм, окончательно прекратила более чем двухвековую изоляцию Японии от внешнего мира и повернула государство на путь капиталистического развития. Но революцию Мэйдзи принято считать незавершенной, так как она оставила массу феодальных пережитков, в том числе и императорскую власть, отнятую у императорской фамилии сёгунами (военачальниками) еще в XII веке и восстановленную в ходе революционных событий 1868 года.

Храм Ясукуни был задуман и сооружен в качестве символической могилы для солдат и всех тех, кто погиб в борьбе за восстановление власти императора. Строительство синтоистской усыпальницы на следующий же год после свершения революции Мэйдзи подчеркивало, что переворот явился событием, не только вернувшем японскому монарху реальную власть, но и способствовавшим возрождению синтоизма. При сёгунах синто был оттеснен на задний план буддизмом, считавшимся официальной религией Японии. После 1868 года синтоизм, тесно связанный с личностью императора, рассматривавшегося в качестве потомка главной богини национальной религии японцев Аматаэрасу, превратился в государственный культ. Императорская власть покровительствовала синтоизму, который всемерно поддерживал ее. Таким образом, эта связь носила взаимовыгодный характер.

Господствующая верхушка и духовенство Японии всячески развивали синтоистские догмы о «божественности» императора и его священной власти. Император стал считаться живым богом непрерывающейся с древности «божественной» генеалогической линии, подчинение которому было высшей доб-

родетелью, распространявшейся на всех жителей империи. Представители императорской семьи стали верховными жрецами синтоизма.

Прошло немного времени, и религиозная и идеологическая обработка населения, направляемая правящими кругами страны, сделала свое дело. Синтоизм с его почитанием императора был соединен с воинственностью милитаристов, выросших на феодальных традициях самурайства, и с устремлениями возникших на японской почве монополий — молодых капиталистических хищников, опоздавших к разделу мира и стремившихся наверстать упущенное и обогатиться. Все это в конечном итоге и толкнуло Японию на путь военных авантур.

По мере осуществления экспансионистской политики, завоевания земель и побед японского оружия росли аппетиты крупных монополий. Логическим следствием такой политики был резкий уклон вправо: в конце 1920-х годов к власти в Японии приходят крайне реакционные и агрессивные элементы, тесно связанные с финансовой олигархией и военно-фашистскими кругами. Начинается фашизация страны, подавление любой оппозиции и демократических свобод. Закономерным было также заключение союза императорской Японии с двумя фашистскими государствами Европы — гитлеровской Германией и Италией. Стремление этих империалистических держав подчинить себе мир неминуемо вело к войне.

Вторую мировую войну начала в Европе фашистская Германия, на Дальнем Востоке ей последовали японские милитаристы, вероломно напав 7 декабря 1941 года на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор. Успешная на первых порах война, развязанная Японией на Тихом океане, привела с течением времени Японское государство и его народ к национальной трагедии — военному краху, небывалому в истории страны поражению, гибели множества людей, материальных ценностей, сопровождавшемуся деморализацией нации.

Именно в этой войне проявились самые негативные стороны синтоизма, которые были выпячены и гиперболизированы реакционными идеологами «великой Японии». Император стал знаменем японского милитаризма. Любой погибший за императора солдат превращался синтоистскими проповедниками в новое божество синто. В этой же войне, и не без помощи синтоизма, появилось такое чудовищное явление, как многочисленные отряды смертников — камикадзе, в ряды которых в конце войны милитаристская пропаганда призывала весь японский народ.

С поражением Японии в войне на Тихом океане синтоизм перестал быть «государственной религией», в результате чего не стала осуществляться финансовая помощь государства синтоистским храмам, воспрещались распространение догм синто среди населения и любая агитационная деятельность духовенства. Официальное посещение синтоистских храмов, и в первую очередь Ясукуни — центра милитаристской пропаганды, было запрещено. Отправлять обряды синто стало возможным

только в домашней обстановке или же в качестве частного лица. Император отрекся от своего «божественного» происхождения и перестал быть живым богом.

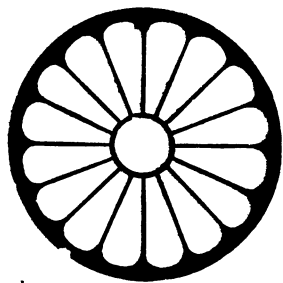
...Шло время. Япония начала приходить в себя после поражения. Обстановка в стране постепенно стабилизировалась. После роспуска милитаристских и фашистских организаций, демобилизации императорской армии и флота, наказания главных военных преступников и принятия новой, мирной конституции наметились пути демократизации Японии. Однако такого рода процесс не устраивал Соединенные Штаты Америки — бывшего противника, оккупировавшего страну, а теперь союзника Японского государства. США был необходим оплот на Дальнем Востоке против Советского Союза, стран социалистического содружества и народов, освободившихся от колониального гнета. Этим оплотом и форпостом антикоммунизма стала Япония.

При содействии США были вновь воссозданы вооруженные силы Японии, прикрытые названием «силы самообороны». Как грибы после дождя, стали появляться профашистские и всякого рода реваншистские организации, которые начали активную деятельность по отмене послевоенной мирной конституции 1947 года, по пересмотру установленных после войны государственных границ, с предъявлением территориальных требований к Советскому Союзу, по отмене ограничений на военные расходы и т. д. В этой обстановке реакционные круги активизировали свою деятельность и на идеологическом фронте. Они выступили за реанимацию культа императора и поддержку отделенной от государства религии синто.

Борьба между демократическими и консервативными силами за возрождение государственного синтоизма развернулась, в частности, и вокруг пресловутого храма Ясукуни, который и сейчас является духовным центром милитаризма и шовинизма. Здесь происходят постоянные сборища реваншистов, демонстрации правых, требующих восстановления былой военной мощи Японии. Милитаристски настроенные правящие круги пытаются «национализировать» святилище, то есть взять его под государственную опеку, подразумевающую, кроме всего прочего, и финансовую помощь. В этой связи свидетельством приверженности страны к милитаризации явилось официальное посещение Ясукуни лидерами японского правительства. Демократическая общественность, напротив, всеми силами пытается воспрепятствовать этому, так как передача храма Ясукуни под опеку государства, чего активно добиваются реакционеры, была бы опасным повторением прошлого.

Синтоизм, или синто, означающий в дословном переводе с японского «путь богов», является древней религией японцев, берущей свое начало в анимистических (от латинского «анима» — дух, душа) и тотемистических (вера человека в родство с животными, растениями) представлениях. Такого рода верования были присущи человеку, не знавшему объективных законов природы, стоявшему на той ступени общественного развития, когда происходило одушевление всего существующего в мире, обожествление явлений природы и т. п. Все, что обладало необычной силой, что не могло быть объяснено человеческим разумом, рассматривалось как нечто сверхъестественное и божественное, являлось предметом поклонения и обозначалось как «ками» или «микото» — «божество».

Ками было неисчислимое множество. Утверждают, что синтоистских божеств восемь миллионов. По воззрениям японцев, они обитали везде — в небесах, на земле и море. У каждой местности был свой камии — «хозяин». Каждая гора, скала, водопад или много лет живущее дерево также назывались «ками». Божествами считались некоторые животные. От богов, по представлениям японцев, во многом зависело существование каждого индивидуума, в связи с чем они и почитались. С течением времени отдельные разрозненные представления и выработавши-

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЖЕСТВ СИНТО И ПЕРВЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

еся на их основе культы — культ природы и культ предков, вера во всякого рода магические силы и суеверия, многие первобытные шаманские и колдовские обряды были оформлены в мифы, объединенные одной сюжетной линией, где с относительной последовательностью толковалось, каким образом возникло все существующее в мире. Они и составили официальную синтоистскую мифологию, на которой базируется национальная религия японцев, не имеющая четко выраженного и зафиксированного свода догм.

Основные мифы синто были донесены до нашего времени двумя знаменитыми памятниками древности, произведениями VIII века — «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) и «Нихонги», или «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.).

Согласно древнеяпонским мифам, история Японии, происхождение ее национальных божеств и населения связаны с копьем, которое было с вращением погружено в воду, а затем вынуто богом Идзанаги, спустившимся с неба по повелению верховных богов вместе со своей супругой Идзанами. Жидкость, упавшая с острия копья, загустев, образовала сушу — остров Оногоро, то есть «самозагустевший», на который вступили божества и сотворили другие острова, составившие Японский архипелаг. Создав Японию, божества Идзанаги и Идзанами начали другие деяния. На земле появились горы и леса, моря и озера, а также ряд божеств (ками). Боги, произведенные на свет Идзанаги и Идзанами, стали «хозяевами» морей и рек, местностей и явлений природы. Однако Идзанами не суждено было производить на свет богов дальше и дальше. Бог огня Атаго в момент своего рождения поразил мать пламенем, в результате чего ее начал одолевать смертельный недуг, приведший богиню в страну мрака (Ёми-но куни).

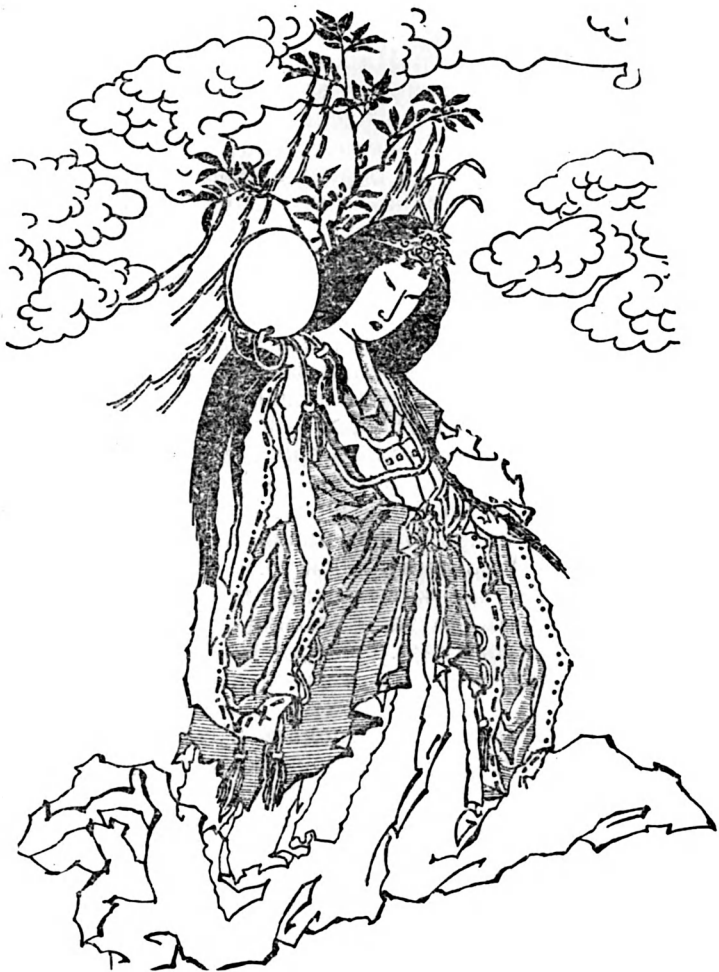
В отчаянии Идзанаги проливает у ее изголовья обильные слезы, из которых рождаются другие божества. Похоронив супругу на горе Хиба, он в порыве ярости бросается на виновника смерти Идзанами, своего сына — бога огня, и отрезает ему голову священным острым мечом. Из крови детища Идзанаги рождаются все новые и новые божества.

Через некоторое время, терзаемый желанием вновь увидеть свою жену, Идзанаги решает спуститься к ней в страну мрака, с тем чтобы вернуть ее на землю. В стране Ёми, тронутая намерением мужа, Идзанами просит не входить в ее обиталище и подождать до тех

пор, пока на это не будет дано разрешение богов. Однако нетерпеливый супруг прервал свое ожидание и вошел в подземный дворец Идзанами, чтобы лично лицезреть ее и выяснить причину долгой задержки. И тут его взору представляется ужасная картина — Идзанаги видит разложившееся, зловонное тело своей возлюбленной. Объятый страхом, он обращается в бегство. Идзанами, разгневанная тем, что была застигнута в таком виде, решает уничтожить супруга и посылает за ним ведьм преисподней. И здесь происходят события, похожие на действия героев русских народных сказок и фольклорных традиций многих других народов: преследуемый бросает в преследователей части своего туалета, которые на пути нечисти оборачиваются препятствиями. Брошенный навстречу ведьмам головной убор превращается в заросли винограда, гребень — в заросли бамбука и т. д. Наконец, достигнув узкого прохода из страны мертвых, Идзанаги загоразживает его огромной каменной глыбой и объявляет подбежавшей с другой стороны Идзанами о расторжении с ней брачных уз. После ряда взаимных угроз Идзанами говорит, что будет ежедневно умерщвлять по тысяче живых существ, на что Идзанаги обещает обеспечить полторы тысячи новых рождений. В результате диалога двух божеств устанавливается соотношение между смертями и рождениями в мире людей.

После пребывания в преисподней и соприкосновения со смертью Идзанаги решает произвести очищение своего тела. Эту процедуру он совершает на берегу реки Одо на острове Цукуси (Кюсю). Сбрасывая с себя одежду, бог Идзанаги производит на свет еще двенадцать божеств: из пояса — божество пути, из сумы — бога времени, из мужской юбки — божество насыщения и т. д. Погружая свое тело в воды среднего течения реки Одо, Идзанаги смывает с себя скверну и одновременно рождает богов зла и божества — избавителей от этого зла. Наконец он приступает к омовению лица. Из омытых глаз и носа рождаются три бога: солнца, луны и ветра. Двое из этих богов становятся центральными персонажами мифа. Явившаяся на свет из левого глаза Идзанаги богиня солнца Аматэрасу, или «Великая богиня, сияющая на небе», стала покровительницей синтоистского пантеона. Рожденный из божественных ноздрей бог бури и стихии получил название Сусаноо.

Обрадованный рождением новых божеств, особенно трех последних, Идзанаги определяет для каждого из

Солнечная богиня Аматэрасу
(с гравюры Хокусаи Кацусика).

них сферы влияния. «Сияющая» Аматэрасу получает под власть небеса, божеству луны Цукуёми даруется царство ночи, а несдержанный и вспыльчивый Сусаноо становится владельцем «равнины океана».

Таким образом описывается в древней мифологии появление основных божеств синтоистской религии. Дальнейшие события разворачиваются следующим об-

разом. В то время как Амата́расу и Цукуёми послушно и добросовестно исполняли свои обязанности во вверенных им пространствах, Сусаноо предался безостановочному плачу, от которого иссушались покрытые растительностью горы и пересыхали моря и реки. На вопрос своего отца Идзанаги о причине горя, охватившего Сусаноо, тот ответил, что оно вызвано страстным желанием посетить мать — Идзанами, находящуюся в стране мертвых. В порыве гнева, вызванного такой наглостью, Идзанаги прогоняет Сусаноо из страны божеств на землю, в Авадзи.

Перед удалением из страны богов Сусаноо решает посетить свою старшую сестру, великую богиню солнца Амата́расу, в ее небесном царстве для прощания. Амата́расу, встревоженная шумом приближающегося брата, готовится к отпору пришельца, но Сусаноо убеждает ее в том, что не имеет дурных намерений, и в подтверждение искренности сказанного предлагает вместе с ней произвести на свет новых богов. Амата́расу соглашается. Приняв от брата меч, она ломает его, разжевывает и, обратив металл в пар, исторгает из рта, произведя таким образом ряд женских божеств. Сусаноо делает то же самое с драгоценностями Амата́расу и являет на свет несколько мужских богов.

Затем, чрезвычайно довольный своими деяниями, Сусаноо предается буйству, выражающемуся в уничтожении межевых насыпей на рисовых полях богини, осквернении ее жилища. Терпению Амата́расу приходит конец, когда Сусаноо швыряет в ее ткацкую комнату, где изготовлялись одежды небесным богам, шкуру жертвенного пегого коня, освежеванного, вопреки требованиям богов, заживо. Раздосадованная и глубоко удрученная происшедшим, Амата́расу удаляется в горную пещеру, закрывая в нее вход, и все погружается во мрак беспросветной ночи.

С уходом богини нарушается чередование дня и ночи, все пространство наполняется гудением неисчислимого множества злых божеств, повсюду начинают случаться всевозможные беды. Встревоженные этим событием небесные божества собрались на совет. Для того чтобы выманить богиню из убежища, боги устанавливают перед входом в пещеру насест для священных петухов, беспрестанно поющих во тьме. Именно отсюда и ведут свое происхождение «тории» — ворота, которые напоминают птичий насест и являются непременным атрибутом синтоистских святилищ. На вечнозеленое дерево

сакаки¹ вешают ожерелье из яшмы, зеркало и белые одежды — пожертвования божеству, отправляют торжественное богослужение (норито). Но самым действенным средством оказался танец богини Амэ-но Удзумэ, которая оголила свое тело во время его исполнения и тем самым вызвала восхищение богов и неудержимый смех. Не в силах сдержать женского любопытства, Аматаэрасу выходит из пещеры наружу. Солнце возвращается в мир. Все это повествование составляет центральный миф синто.

Значительное место в древнеяпонских мифах занимают дальнейшие приключения бога Сусаноо, изгнанного с неба божествами. Во время его странствий по земле Идзумо он узнает о чудовищном восьмиголовом змее Ямата-но Ороты, пожирающем людей. Сусаноо берется уничтожить его. Богу удается напоить змея сакэ, после чего он разрубает туловище монстра на куски и извлекает из его хвоста знаменитый меч, известный по легенде как Кусанаги — «косящий траву», который становится одним из трех (наряду с зеркалом и яшмовыми подвесками) главных символов синтоизма и императорской власти. Впоследствии идеологи синтоизма стали называть меч душой японского воина.

Согласно мифам, история меча, добытого Сусаноо из хвоста кровожадного дракона, такова. Богиня солнца после раздумий решает послать на землю своего внука Ниниги-но Микото, который должен установить там верховную власть и начать править Срединной страной Тростниковых Зарослей, то есть Японией. Перед этим Аматаэрасу вручает Ниниги три драгоценности: яшмовые подвески, зеркало — воплощение божества солнца и знаменитый меч, трофей Сусаноо, подаренный им богине в знак примирения, а также копье. С Ниниги начинается божественное правление на земле, и помогает власти неба именно меч.

Далее мифология повествует о земных правителях — прямых потомках Ниниги. Первым императором Японии летописи называли Дзимму-тэнно, относя его воцарение к 660 году до н. э. В императорской Японии эту дату считали праздником и обозначали как «кигэнсэцу» — день основания государства.

Свои деяния Дзимму начал с завоевательных походов. Он совершил из своей ставки на острове Кюсю не-

¹ Священное дерево синто, ветви которого используются в различных формах синтонистской обрядности.

сколько походов в непокорные ему земли, в частности на остров Хонсю. В числе знаменитых побед Дзимму, описанных в летописях, видное место занимает уничтожение «бунтовщика», имевшего прозвище «земляной паук». Этот персонаж японской легенды якобы объявился в краю Кисю. Он обладал огромной силой и, как явствует из записей, уничтожил многих людей, пока не был убит воинами императора. Примечательно, что в японских источниках «земляными пауками» (цутигумо) называли неких аборигенов Японских островов. Скорее всего, это были айны. Можно предположить, что речь шла о борьбе японцев во главе с императором (царем) с айнами, олицетворением которых в легендах стала одна личность. Царствование Дзимму, согласно преданиям, продолжалось до 585 года до н. э. Таким образом, уже первые шаги верховного правителя Японии на земле людей представлены в летописях как военные кампании.

По мере приближения событий ко времени появления памятника японской литературы «Кодзики» записи в нем приобретают вид обычных династийных хроник. И здесь снова появляется божественный меч Аматэрасу, переданный ей земным правителем, и, соответственно, снова речь идет о военных предприятиях. На этот раз священный меч связывается с именем храбреца, в высшей мере решительного человека Ямато-дакэ.

Ямато-дакэ, согласно легенде, был послан своим отцом на восток Японии для усмирения в двенадцати землях Восточной стороны эбису — аборигенов Японских островов, предков современных айнов, расселяющихся в настоящее время на самом северном острове Японии Хоккайдо. Путь героя во вражеские земли лежал через ворота храма великой богини солнца Аматэрасу. Именно там хранился священный меч. Верховная жрица храма вручает его герою для уничтожения врагов.

Дальнейшее повествование рассказывает о том, как, продвигаясь в непокорные области, Ямато-дакэ вступает на землю Овари, правитель которой решает погубить героя, предложив ему уничтожить злое чудовище, живущее в болоте. Ямато-дакэ устремляется через камыши к центру болота, с тем чтобы сокрушить злого духа. Воспользовавшись этим, недруги сына императора зажигают сухую растительность, надеясь заживо сжечь его в разбушевавшемся пламени. Ямато-дакэ, тотчас оценив ситуацию, вынимает из ножен священный меч и срезает вокруг себя траву под самый корень, обнажая землю и останавливая таким образом вал огня. С по-

мощью священных кремня и огнива, врученных ему жрицей храма Аматэрасу, Ямато-дакэ, вызывает ответный огонь, который поворачивает вспять насланное врагами пламя. Затем, выбравшись из проклятого болота, с помощью все того же волшебного меча расправляется с коварным правителем и его приспешниками-слугами.

Так в мифах и легендах обрисованы основные события древности. Прежде всего здесь обращает на себя внимание выделение из всех главных божеств синто солнечной богини Аматэрасу в качестве основного сверхъестественного существа синтоистского пантеона. Невзирая на то что не она стоит у истоков сотворения вселенной и собственно Японии, именно богиня солнца, как прародительница и прямой предок первого императора, занимает в древней религии Японии основное место. Идзанаги утверждает ее как главное божество неба, а все остальные небесные жители поддерживают ее в инциденте с Сусаноо и осуждают последнего. Видный американский ученый, специалист в области японской мифологии Э. Д. Сондерс замечает по этому поводу, что с точки зрения культуры возвращение Аматэрасу на небо после нанесенного ей оскорбления, несомненно, означает у составителей памятников древней Японии хорошо различимое стремление к возвеличиванию предков императорского дома, их победу над мелкими кланами и утверждение централизованного государства¹.

Воцарение Дзимму на японском престоле, от которого пошел царский род Ямато, приходится, согласно мифам, на 660 год до н. э. Эта дата вымышленная и расходится с реальными историческими событиями. В VII веке до н. э. на территории Японии не было никакого государства. Миф о Дзимму возник для того, чтобы связать «эпоху богов» с земными правителями. Сам же подбор мифов, заключенных в древнеяпонских летописях, как писал советский востоковед С. А. Арутюнов, был тенденциозным и имел целью обосновать «божественное» происхождение императорской династии. И это удалось. Японцы верили в «божественность» японского императора и во времена раннего средневековья, и многие столетия спустя.

Генеалогическая линия династии японских императоров рисовалась идеологами синто как не прерывающаяся на протяжении тысячелетий. Поэтому ныне здравству-

¹ См.: Сондерс Э. Д. Японская мифология. — В кн.: Мифы древнего мира, М., 1977, с. 416.

ющий император Японии Хирохито считается синтоистами 124-м представителем этой линии, восходящей к мифическому Дзимму.

Однако не только императоры рассматриваются синто как прямые потомки богов. Теологи синтоизма проповедуют, что у истоков каждого отдельного рода когда-то стояло божество, которое впоследствии стало рассматриваться как покровитель клана — удзигами. Поэтому синтоизм вообще не проводит между людьми и kami строгой границы. Такое представление также идет из глубокой древности и, возможно, имеет связь с религиозными воззрениями аборигенов Японии — айнов. Божеством (камуем), в том числе и живым, мог в принципе стать любой индивидуум, ведущий праведный, с точки зрения айнов, образ жизни и достигший семидесяти лет.

Как можно уяснить из мифов, царский род, возглавлявший союз племен Ямато, вел в древности войны за власть и территории не только с враждебными знатными японскими кланами, но и с «варварами». «Варварами» (эмиси, а позже — эдзо) японцы называли аборигенов Японского архипелага, то есть уже упоминавшихся айнов. Синтоистская мифология благословляла японцев на борьбу против всего неапонского и «варварского», будь то коренные жители востока — айны или аборигены юга — кумасо. Каждая победа над местными жителями в древних японских записях сопровождается выражением глубокого удовлетворения и одобрения, а победители «злых разбойников» и «людей с лицом дьявола», как японцы называли аборигенов Японии, чествуются как храбрецы, богатыри и герои.

Данные древней мифологии в какой-то степени согласуются с историческими. Самые тяжкие испытания, конечно, выпали на долю айнов, которые в течение тысячелетий, до прихода предков японцев с материка Азии на архипелаг, заселяли его территорию. Вооруженное сопротивление айнов японской экспансии началось уже на рубеже новой эры, то есть во время проникновения первых групп предков современных японцев в Японию, и продолжалось вплоть до конца XVIII века — свыше полутора тысяч лет. Пожалуй, ни один народ в мире не вел столь длительной борьбы против иноземных завоевателей, как айны.

Аборигены Японских островов упомянуты уже в предании о первом походе Дзимму. А такие легендарные личности, как Ямато-дакэ и Абэ-но Хирафу вели с айнами настоящие войны. Впоследствии (в IX, X, XI веках

и далее) записи о походах и карательных экспедициях против «непокорных дикарей» приобретают не сказочный характер, как в самых ранних источниках «Кодзики» и «Нихонги», а, скорее, вид боевых сводок, где фигурируют десятки тысяч японских воинов, воюющих со «злом».

Итак, основной смысл, который можно почерпнуть из древнеяпонской мифологии, легшей в основу национальной японской религии синто и зафиксировавшей процесс ее становления, то есть оформления из суеверий, веры в магию, религиозных представлений анимистического толка и шаманистских культов в систему взглядов, заключается в следующем.

Япония — божественная страна, созданная богами, так как она, и только она, является обиталищем национальных японских божеств (ками).

Япония — место рождения великой солнечной богини Аматэрасу, потомками которой являются все японские императоры, правящие государством непрерывно и считающиеся живыми богами в человеческом обличье.

Все японское население (собственно японцы) также божественно, так как предками японцев являются камы — основатели отдельных родов. Следовательно, каждый японец, будь он хорошим или плохим, сильным или слабым, рано или поздно сам становится богом.

В общих чертах эти идеи были использованы и развиты в Японии нового и новейшего времени после революции Мэйдзи 1868 года, и особенно в предвоенное и военное время (вторая мировая война), японскими националистами и шовинистами для оправдания империалистической политики захвата чужих территорий. На основе концепции исключительности японской нации и ее особой роли в Азии милитаристские круги Японии приступили к реализации своих авантюристических планов.

Тезис синто о божественном сотворении Японии, заселении ее божествами подразумевал не только почитание и восхваление богов, но и обратную реакцию со стороны божеств по отношению к людям. Предки — камн, как считали синтоисты, неусыпно наблюдали за делами, происходящими в мире людей, покровительствовали и защищали Японию и японцев. А так как боги якобы взяли на себя труд покровительствовать потомкам — оказывать им благосклонность, давать здоровье, долгие годы жизни, богатство, детей и, главное, победы над врагами, считалось, что Японию никто не сможет победить и никогда нога иноземного завоевателя, «воина-варвара», не будет топтать ее землю.

Во многом вынашиванию таких идей способствовало и географическое положение Японии. Относительная изолированность архипелага фактически препятствовала проникновению на острова завоевателей, а следовательно, и покорению населения. Надуманное положение о непобедимости японцев, которым якобы помогают боги, взятое на вооружение проповедниками синтоизма, в силу случайного стечения обстоятельств было подкреплено в XIII веке. Результатами событий столь далекого прошлого воспользовалась в середине XX века японская милитаристская пропаганда.

Для понимания того, в чем заключается связь между столь отдаленными друг от друга

РОЖДЕНИЕ "КАМИКАДЗЕ"

эпохами, необходимо опять-таки заглянуть в глубь истории, обратиться ко времени, когда во второй половине XIII века Япония подверглась нашествию монголов.

Монгольское феодальное государство достигло тогда своего наивысшего могущества. Феодалы делали основную ставку не на экономическое и культурное развитие страны, а на политику завоеваний и порабощения других народов. В связи с этим все было подчинено тому, чтобы максимально военизировать народ и превратить страну в военный лагерь. Монголы имели превосходное по тому времени войско, основу которого составляла конница. Конные соединения были быстры и мобильны, воины отличались смелостью, выносливостью и дисциплинированностью. Стремительное продвижение вперед отдельных отрядов обеспечивалось за счет огромных табунов лошадей, которые монголы гнали позади наступающего войска. Из этих табунов воины брали свежих верховых животных взамен уставших, лошадиное мясо служило пищей, а кровь — питьем.

За сравнительно короткое время монголам под предводительством Чингисхана и его преемников удалось покорить многие народы Дальнего Востока, Центральной, Средней и Передней Азии, Кавказа и Восточной Европы. В 1218 году войска Чингисхана под командованием полководца Джэбэ установили господство над Восточным Туркестаном. Далее они двинулись в Среднюю Азию с целью уничтожения государства хорезмшахов. После падения в начале 20-х годов XIII века Бухары, Самарканды и Хорезма Чингисхан перенес военные действия на территории Афганистана, Пакистана и Индии. Были предприняты разведывательные походы в Иран, Закавказье, Казахстан, а также в некоторые другие области, лежащие к западу от империи монголов. Приблизительно в это же время на Востоке, в период с 1231 по 1234 год, силой оружия было окончательно сломлено сопротивление корейского государства Корё и уничтожено чжурчжэньское феодальное государство Цзинь, располагавшееся на территории современного Северо-Восточного Китая.

В 30—40-е годы XIII столетия монголы, уже после смерти Чингисхана, завоевали Кавказ, вторглись в пределы современных Сирии и Ирака. В 1237 году монгольские полчища под предводительством Батыя начали нашествие на русские земли. Монголы огненным смерчем пронеслись по городам феодальной раздробленной Руси, разграбив Рязань, Москву, Владимир, Переяс-

лавль, Чернигов и др. В 1240 году пал Киев. Вслед за Русью вторжению подверглись Молдавия, Польша, Венгрия, Чехия.

В 1260 году на монгольский престол взошел внук Чингисхана Хубилай, провозгласивший себя великим ханом. Он продолжил завоевание Китая. С победой монголов в Китае была основана новая монгольская династия Юань. Экспансия монгольских завоевателей распространилась также на Юго-Восточную Азию. Они напали на Вьетнам. Почти одновременно с этим походом было предпринято нападение на Бирму, высажен десант на Суматру и Яву.

Завоевательные походы монголов сопровождались разрушением городов, грабежом и массовой гибелью населения. Неудивительно поэтому, что перед лицом поработителей, мощью и силой монгольского оружия трепетали многие народы.

Однако существовала страна, которая отказалась подчиниться могучей империи, поработившей десятки государств. Это была Япония. Хубилай надеялся дипломатическим путем заставить ее выполнять свои требования. С этой целью на Японские острова в 1266 году направился полномочный посол, который должен был передать японцам ультиматум хана Хубилая. В письме Хубилай требовал немедленно прислать к нему послов с данью и признать себя вассальным государством по отношению к империи Юань. В случае невыполнения этих требований Хубилай грозил порабощением. Монгольский посол провел в Японии около полугода, но так и не смог добиться ответа и вынужден был вернуться обратно. Никакого результата не принесли и другие попытки подчинить Японию путем переговоров, предпринятые позже. Сиккэн (правитель) Ходзё Токимунэ безоговорочно отверг требования монголов.

Тогда было решено захватить Японию, используя силу. На военных советах монголов выдвигалось множество различных планов захвата Японских островов и разгрома войск сёгуната. Все высказывания монгольских полководцев сводились к одному: использовать в борьбе с японцами свое испытанное средство — конницу, молниеносные атаки которой разбивали наголову лучшие армии Азии и Европы. Напору монгольской конницы, действовавшей на открытом месте, в то время никто не мог противостоять. В связи с этим предполагалось переправить в Японию крупные конные соединения. Причем предлагались фантастические, практически не

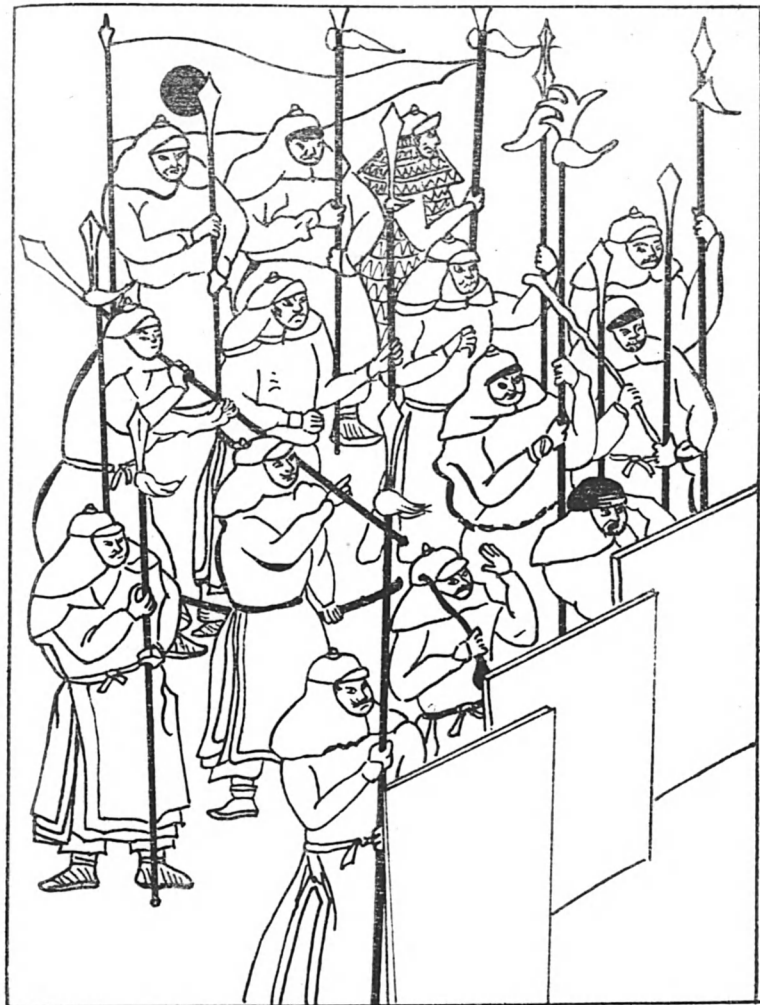
выполнимые и трудно осуществимые проекты переброски монгольской конницы в Японию, в частности постройка между Корейским полуостровом и островом Кюсю понтонной переправы, по которой всадники должны были достичь японских берегов и, подобно смерчу, смести всех непокорных.

Японцы, в противоположность монголам, редко использовали в боевых действиях крупные воинские подразделения. Японский самурай был прежде всего воин-одиночкой, индивидуалистом, стремившимся выделиться среди других и тем самым прославить свое имя, заслужить почет, славу и получить вознаграждение от своего господина — феодального князя. В соответствии с этим строились и принципы ведения боя самураями. Перед любым сражением японцы первым делом выпускали в сторону противника свистящую стрелу — «кабурая», вызывая тем самым врага на поединок и в знак начала битвы. Вперед выступали лучшие воины и требовали единоборства. Затем выходили сто рыцарей и вступали в сражение с таким же числом неприятеля. И наконец, в бой переходила вся армия того или иного феодала. Но в данном случае мужество и смелость отдельных воинов были бессильны перед диким напором массы. Монголы в наступательных боях для прикрытия своего наступления выпускали огромное количество отравленных стрел, которые японцы не употребляли.

Монгольские воины действовали на поле боя, не соблюдая правил воинской чести. Они группой окружали одиночек и подло убивали их. Таким образом, можно сказать, что японцы не имели тактики обороны против монголов и в принципе ничего не смогли бы сделать, чтобы не пустить завоевателей в страну, если бы те начали широкомасштабное наступление.

В конечном счете, после долгих дебатов, монголы приняли решение переправить войска с континента на острова с помощью китайских и корейских кораблей, то есть используя силы своих сателлитов. Началась подготовка флота и десанта к военной экспедиции. Над Японией нависла страшная опасность монгольского нашествия, которое получило в японской истории название «гэнко».

В ноябре 1274 года из корейского порта Хаппо (сегодняшний Масан) по направлению к Японским островам вышла армада монгольского флота, состоящая из 900 кораблей, с 40 тысячами монгольских, корейских и китайских солдат. Быстро было сломлено японское со-

**Монгольское вторжение.
Монгольские воины под защитой своих щитов
(с японского рисунка).**

противление на островах Цусима и Ики. В сражениях при небольших населенных пунктах Комода (о. Симодзима) и Кацумото (о. Ики) монголы перебили малочисленные самурайские дружины. Таким образом, монгольские войска и их сателлиты заняли ключевые позиции

для вторжения в Японию. Высадка монголов началась на северо-западном побережье острова Кюсю, в бухте Хаката. Несмотря на то что японцы мужественно сражались и получили подкрепление из других районов Кюсю, их сил явно не хватало для того, чтобы помешать вторжению многочисленного, сильного и организованного врага.

Монголы с боями заняли поселки Имадзу, Акасака и вступили в ожесточенное сражение с незначительными по численности силами японцев у местечка Хаката (ныне Фукуока). В захваченных поселках монголы, так же как и на островах Цусима и Ики, начали грабеж и уничтожение мирного населения. Японским женщинам монгольские воины пронзали кинжалами насквозь ладони, продевали сквозь рапы веревки и цепи и тащили к своим кораблям. Тех, кого монголы не уводили в рабство, — стариков, больных и немощных — убивали на месте.

Упорное сопротивление японцев, солнце, клонившееся к закату, а также ранение китайского военачальника Лю заставили захватчиков отойти на ночь назад к кораблям, стоявшим на якорях в заливе, с тем чтобы перегруппировать силы и на следующий день продолжить начатое.

Однако вечером начал разыгрываться шторм — один из тех, которые очень часто случаются осенью в районах западного побережья Кюсю. Постепенно усиливающаяся буря превратилась в смертоносный тайфун. Монголы были застигнуты им врасплох. Ураган разметал по водной поверхности монгольский флот, отправив при этом на дно более 200 кораблей. Большое количество монгольских войск погибло в морской пучине. Монголы недосчитались в своих рядах более 13 тысяч человек. Потрепанные остатки армады вынуждены были в полном беспорядке вернуться назад, в Корею. В японской истории первое нашествие монголов получило название «Бунъэй-но эки» — «война годов Бунъэй», то есть годов правления императора Камэяма (1264—1275).

Японцы отлично понимали, что эта катастрофа не обескуражит Хубилая и он вновь предпримет попытку захватить страну. Не теряя времени, тогдашние правители отдали приказ о подготовке к отражению нового нападения. На западном побережье острова Кюсю и юго-западном острова Хонсю японцы начали строить оборонительные сооружения, для чего в прибрежные районы согнали большое количество крестьян из ближайших и отдаленных земель. В местах предполагаемой высадки

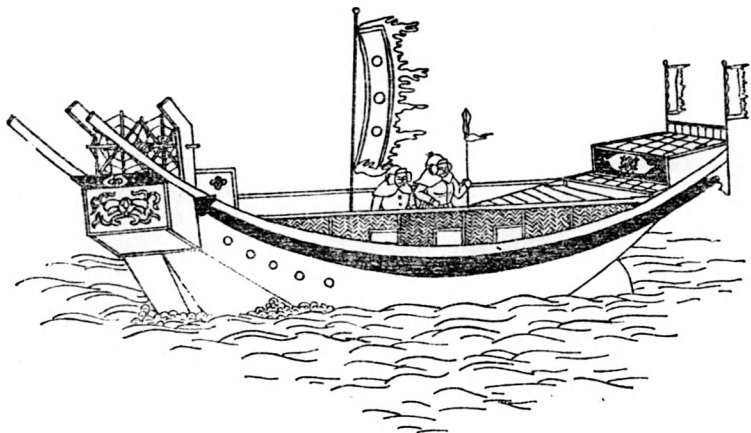
монгольского десанта были сосредоточены самурайские дружины. Изучалась тактика ведения сражений монголами, учитывались и анализировались просчеты и недостатки прошедших боев.

Тем временем монголы снова попытались дипломатическими путями склонить Японию к смирению перед могущественнейшей империей. Посланники Хубилая, прибывшие в столицу сёгуната Камакура в 1279 году, на этот раз потребовали еще большей дани, грозили еще более страшными карами в случае отказа. Но все попытки были тщетны. Угрозы только больше раздражали японских правителей. Послы, присланные к Ходзё Токи-мунэ, были обезглавлены, а их головы отправлены в мешках назад великому хану. Хубилай в конце концов понял, что всякие переговоры бесполезны, и начал готовиться к новой военной экспедиции.

В противоположность осеннему времени, изобилующему тайфунами, на военном совете монголов для второго вторжения в Японию была выбрана весна — начало лета. В 1281 году по приказу Хубилая монгольские полководцы составили новую армаду кораблей и приступили к разработке конкретных планов операции. На этот раз монгольское командование располагало почти в пять раз большим количеством кораблей, чем в 1274 году.

К западным берегам острова Кюсю, где должны были происходить боевые операции, предполагалось подойти с двух сторон одновременно. По плану первая флотилия, состоявшая из 900 кораблей с 42 тысячами воинов на борту, как и прежде, выходила из корейского порта Хаппо, вторая — главные силы, насчитывавшие около 100 тысяч человек, разместившихся на 3500 кораблях, — начинала движение из китайского города Нинбо провинции Цзянсу. Общее руководство военными действиями было возложено на монгольского полководца Алахана.

Никогда прежде и впоследствии в истории всех народов не составлялось флота вторжения больше, чем монгольский 1281 года, ни по количеству кораблей, ни по численности войск. Достаточно отметить для сравнения, что знаменитая испанская армада, направленная тремя столетиями позже к берегам Англии, имела в своем распоряжении только 130 кораблей и 27 500 воинов. Корабли монгольских завоевателей имели внушительные размеры. Помимо пехоты на них разместились кавалерийские соединения, были установлены всевозможные метательные и новейшие по тому времени осадные орудия.

Военный корабль монголов.

Кроме того, на кораблях агрессора имелись небольшие кузницы для изготовления подков для коней, ремонта оружия и прочего военного снаряжения.

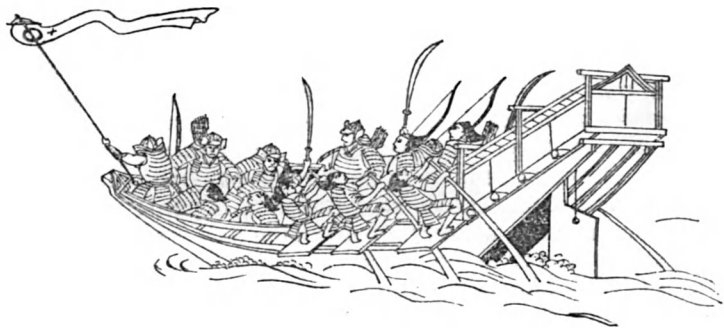
Семь лет, прошедшие со времени первого нашествия монголов, японцы не потратили зря. Они правильно рассчитали намерения врага, который, как и в первый раз, избрал Кюсю исходным пунктом вторжения в Японию, и соорудили на острове оборонительные укрепления. Основой их был ряд оборонительных линий, из которых самую большую протяженность имела стена, возведенная вокруг бухты Хаката. Она поднялась в высоту на 2,5 метра и тянулась вдоль берега на 20 километров. На побережье, кроме того, были воздвигнуты башни и сторожевые вышки, с которых велось наблюдение за морем. Японцы построили также большое количество небольших, но чрезвычайно подвижных гребных военных судов. Они стояли наготове в бухте и других местах побережья, ожидая приближения неприятеля. Самураи находились в постоянной боевой готовности. Армия японцев на Кюсю состояла из 100 тысяч человек, 25 тысяч самураев располагались на соседнем острове Хонсю в резерве. Боевой дух японских войск был очень высок. Даже японские пираты оставили свое ремесло и присоединились к правительственному флоту. Все было готово для встречи завоевателей.

Тем временем японские шпионы сообщали с континента малоутешительные вести о идущей полным ходом

подготовке к походу. В июне 1281 года из портов Хаппо и Окпо вышла первая из двух групп кораблей, предназначенных Хубилаем для захвата и покорения Японии. На сей раз острова Цусима и Ики монголы обошли с восточной стороны. Первое сражение состоялось около местечка Сэкаикура на острове Камидзима архипелага Цусима. Японцы, как и в прошлый раз, знали, что их ожидает. Малочисленные самурайские отряды встретили гибель достойно, мужественно обороняя свои позиции. Следующая схватка произошла около поселка Кацумото на острове Ики. Она также закончилась уничтожением японского гарнизона. К концу июня флот монголов приблизился к Кюсю и через некоторое время вновь, как и в прошлый раз, вошел в бухту Хаката.

По-видимому, монголы ничего не знали об оборонительных сооружениях — войска были высажены прямо перед стеной, где и попали под удар японцев. Началось ожесточеннейшее сражение, длившееся несколько дней. Огнем китайской метательной артиллерии многие береговые укрепления японцев были сожжены. Монголы, подобно волнам прибоя, обрушивали свои атаки на защитников побережья. Они осыпали японцев отравленными стрелами и копьями, в ближнем бою использовали боевые палицы, мечи и арканы. Японцы также были вооружены луками и стрелами, копьями и мечами, укрывались за деревянными щитами почти в рост человека. Сражение происходило в тесноте, и ни одна из сторон не могла извлечь для себя выгоды. Монголы бросали в бой все новые силы, которые уплотняли и без того тесные ряды войск и мешали тем самым отступлению или отводу потрепанных соединений, выносу раненых. Однако никакой напор, казалось, не мог сломить стойкость обороняющихся.

Не менее ожесточенная борьба шла на воде, где монгольский флот был атакован японскими боевыми лодками. Преимущество здесь было на стороне японцев, так как громоздкие монгольские корабли не имели возможности маневра на воде, что не представляло ни малейшего труда для чрезвычайно подвижных и легких судов самураев. Японские лодки, несмотря на тучи стрел и каменных снарядов, выпускаемых монголами из катапульт, приближались к кораблям противника. Самураи прятались за бортами своих плавательных средств, а когда они оказывались в непосредственной близости от неприятеля, быстро вставали, молниеносно взбирались на монгольские суда и уничтожали захватчиков.

Боевая лодка японцев.

Японцы воевали с презрением к смерти, и это помогло в борьбе,— монголы не были морально подготовлены к самопожертвованию, на которое шли японские воины. Самураи побеждали в единоборстве на небольшом пространстве, так как были лучше обучены индивидуальному ведению боя, чем тяжеловооруженные монголы, умевшие сражаться только массами.

История донесла до нашего времени множество эпизодов героической борьбы японцев с монгольскими захватчиками. Среди героев битвы на море особенно выделяется некий Кусано Дзиро. Противник обрушил на лодку Кусано град стрел и ядер, одно из которых оторвало ему левую руку. Тем не менее он продолжал руководить боем, и его команда взяла на abordаж монгольский корабль. Если верить источникам, раненый самурай, преодолевая боль, смело вступил в схватку с врагом и собственноручно убил 21 человека, а затем предал неприятельское судно огню. Пример Кусано воодушевил японцев¹. Другой японский военачальник Мити Ари перед боем с монголами написал молитву богам с просьбой покарать врага. Затем он сжег бумагу, на которой был написан текст молитвы, а пепел проглотил. Мити снарядил две гребные лодки с избранными воинами, спрятавшими мечи в складках одежды, и направил суда к флагманскому кораблю монголов. Те подумали, что безоружные японцы приближаются для того, чтобы вести переговоры или сдаться в плен. Это позволило японцам беспрепятственно приблизиться к врагу. Когда лод-

¹ Mauer K. Die Samurai. Ihre Geschichte und ihr Einfluss auf moderne Japan, Düsseldorf — Wien, 1981, S. 57.

ки самураев подошли вплотную к монгольскому кораблю, японцы неожиданно взлетели на его палубу. Началась кровавая рукопашная схватка. Многие пали, другим все же удалось поджечь неприятельскую громадину. Был пленен и командующий монгольским флотом.

Встретив такое неожиданно упорное сопротивление со стороны японцев и понеся существенные потери, монголы и их союзники решили отойти от залива Хаката, продвинуться на запад для встречи со вторым соединением, перегруппировки сил и нового вторжения на Кюсю.

В конце июля первая группа монгольского флота вышла в море. Часть кораблей снова направилась к острову Ики. Остальная масса кораблей подошла к острову Хирадодзима, где наконец произошла встреча со второй флотилией, задержавшейся с отплытием с континента почти на два месяца. После кратковременного отдыха объединившиеся огромные силы монголов и их союзников атаковали остров Такасима, подготовив тем самым новое вторжение на Кюсю, которое на этот раз предполагалось произвести в заливе Имари. Над Японией снова нависла смертельная угроза. Каждый японец думал о том, что сулит монгольское нашествие, если не все силы будут отданы для его отражения.

В то время как войска японцев готовились к решающим сражениям, от которых зависела государственная самостоятельность и независимость феодальной Японии, император, его аристократическое окружение, должностные лица высших рангов и чиновники военного правительства, священники и монахи обратили свои молитвы к богам синто. По всей стране тщательно готовились и детально разрабатывались новые церемонии и обряды.

16 августа 1281 года в середине дня на ясном и безоблачном небе неожиданно появилась темная полоса, которая, быстро увеличиваясь, охватила небосвод и затмила солнце. В течение считанных минут разразился смертоносный тайфун, нередкий в этой части Восточно-Китайского моря. Смерч пронесся над островом Такасима и прилегающим к нему районом, то есть в месте сосредоточения монгольских кораблей, с юго-запада на северо-восток с опустошающим эффектом. Когда через три дня ветер стих и небо вновь прояснилось, от монгольско-китайско-корейских экспедиционных сил осталась едва ли четверть первоначального состава. Потери флота завоевателей были поистине катастрофическими — 4 тысячи военных судов монголов и, вероятно, около 100 тысяч человек погибло в пучине.

Потрепанные остатки монгольского флота на поврежденных и изуродованных стихией кораблях покинули омывающие Кюсю воды и вернулись в Корею, а те войска, которые успели высадиться на землю, были полностью деморализованы. Так бесславно окончился для воинов Хубилая второй грандиозный поход с целью покорения Японского государства.

По образцу первого нашествия эта широкомасштабная экспедиция монголов была названа в Японии «Коан-но эки» — «война годов Коан». После этой трагедии монголы уже никогда серьезно не помышляли о захвате и подчинении Японии. Японцы ликовали. День поражения монголов превратился для них в праздник, который стали отмечать раз в 50 лет. На юго-западе Кюсю и острове Такасима он празднуется до настоящего времени.

Роковой для монгольских завоевателей ветер был истолкован японцами как помощь их национальных синтоистских богов и назван «камикадзе» — «божественный ветер».

Тайфун, который стал считаться «божественным», сыграл, конечно, свою роль. Но были и другие причины провала кампании по завоеванию Японии. Возможно, все сложилось бы иначе, если бы не запоздалое прибытие главных сил монголов к Японским островам, именно ко времени свирепствования здесь штормов. Задержка, в свою очередь, была обусловлена большими трудностями, связанными со снаряжением и обеспечением огромной по численности экспедиции, с отсутствием надлежащей организации. Монгольская армия была вооружена намного лучше японской, в частности метательной артиллерией, которая посылала в противника зажженные снаряды, уничтожившие немалую часть береговых укреплений японцев. Монголы, владевшие более совершенной тактикой, могли бы победить самураев. Однако армию завоевателей составляли воины из покоренных монголами государств Восточной Азии, что затрудняло управление войсками. Кроме того, руководители похода недооценили японцев, их мужество, самопожертвование, единство и сплоченность перед лицом внешней опасности.

В ходе боев на море громоздкие и неповоротливые корабли флота Хубилая показали свою полную неспособность противостоять небольшим, но маневренным и быстрым судам японцев. Смелые действия защитников заставили завоевателей соединить свои корабли железными цепями для того, чтобы создать плавучие крепо-

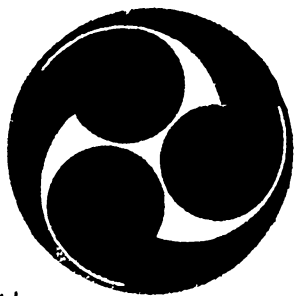
сти. Во время урагана они были разбиты, ударяясь друг о друга, и пошли ко дну.

Сейчас трудно сказать, одержали бы победу монголы при других обстоятельствах и при иной организации похода. Но именно с этого времени в сознании японцев укрепились мысль о том, что их страна находится под особой защитой национальных богов и победить ее не дано никому.

Таким образом, случайное совпадение — дважды бушевавший у западных берегов Японского архипелага тайфун, погубивший монгольские корабли, — явилось основанием для веры в помощь Японии и ее народу синтоистских божеств, прежде всего Аматэрасу и Хатимана. Идея «божественного» происхождения страны, вера в чудо, обусловленная слабостью распространения в Японии материалистического мировоззрения, впоследствии существенно повлияли на формирование националистической идеологии, проявившей все свои отрицательные черты во время второй мировой войны.

Режим военной диктатуры возник в Японии еще в XII веке. Постепенное расширение в стране владений крупных землевладельцев, их стремление к самостоятельности и независимости сократили в несколько раз государственные земли и лишили императорский дом реальной власти. Шел обычный процесс феодального раздробления с типичным для него поглощением мелких поместий крупными, созданием феодальных объединений, что было характерно и для большинства европейских стран на стадии феодализма. Для этого процесса были типичны мелкие и крупные междоусобные войны, которые велись силами самурайских дружин.

Возникновение самураев — профессиональных воинов — было естественным процессом периода формирования и развития феодальной общественно-экономической формации в Японии. Появление военно-феодального дворянства началось именно тогда, когда японский феодализм делал свои первые шаги, когда была заложена основа для разделения общества на классы и сословия. Первоначально самураи набирались феодалами из числа мелких землевладельцев и крестьян, которые отдавали себя под их защиту и покровительство. Пользуясь защитой своего сюзерена, мелкие владельцы земли платили ему за покровительство воинской службой. Земледелие отошло у таких вооруженных слуг на второй

ИДЕОЛОГИЯ САМУРАЙСТВА

план. Некоторые самураи в качестве особой милости получали участки земли с прикрепленными к ней крестьянскими дворами. С течением времени прослойка воинов в Японии превратилась в специфическую группу феодального общества, в своеобразную воинскую касту, вступление в которую сопровождалось все большими трудностями, а впоследствии было совсем прекращено. Самураи образовали феодальное сословие наследственных профессиональных воинов, стоящее в политическом, экономическом и социальном плане над эксплуатируемыми им народными массами и паразитирующее за счет народа.

Наивысшего накала междоусобицы достигли в период борьбы друг с другом двух наиболее могущественных феодальных кланов той эпохи — Тайра и Минамото. В японской истории эта междоусобная война получила название «гэмпэй».

Представители дома Минамото и их союзники стремились к захвату богатых земель рода Тайра, глава которого узурпировал власть, фактически уже отнятую прежде у императора. Феодальные правители Минамото, владевшие северо-восточными областями равнины Канто, имели в своем распоряжении более многочисленную и дееспособную армию, чем Тайра. Войско Минамото было закалено постоянными столкновениями в пограничных районах с айнами. Феодалы Минамото, оттесняя айнов на север, получали в свое распоряжение все новые и новые земли, которые распределялись среди дружинников, вступающих под знамена этого клана. Земельные наделы привлекали самураев, что в конце концов и определило исход борьбы. В ряде сражений на море и на суше войска Минамото разгромили Тайра и утвердили новую систему правления — сёгунат, то есть режим военной диктатуры, характеризовавшийся безраздельным господством в социальной и политической областях уже окончательно оформившегося в это время самурайства.

Глава победившей коалиции Минамото Ёритомо в 1192 году провозгласил себя сёгуном — военным правителем и верховным главнокомандующим и перенес свою ставку на восток Хонсю, в город Камакура (поблизости от современного Токио). Опорой Минамото Ёритомо были феодальные князья — даймё, владельцы крупных земельных участков, которые наряду с сёгуном являлись верхушкой сословия. Далее шли самураи (буси) среднего и низшего рангов, отличавшиеся друг от друга раз-

мерами своих богатств и доходов. Они вместе со своей челядью являлись основной военной силой феодалов и сёгуната.

Император, интересы которого якобы отстаивали феодалы Минамото в борьбе с Тайра, после установления власти военного правительства окончательно потерял всякую политическую и экономическую силу и вместе с придворным аристократическим окружением постоянно должен был пребывать в Киото, в своей резиденции. При такой форме правления император, считаясь «божественным» потомком солнечной богини, являлся лишь формальным правителем Японии. Однако номинально он все же рассматривался как лицо, стоящее во главе всего японского народа, а аристократия Киото, соответственно, занимала высшее положение в иерархической системе японского феодального общества. Сёгун же, являясь главой военного правительства (бакуфу), считался наместником императора, исполнителем его воли.

Господство сёгунов и крупных военных феодалов длилось в Японии почти семь веков. Суть этого правления, в общем, не менялась в зависимости от того, как назывался тот или иной сёгунат. За 700 лет их было три: камакурский (1192—1333 гг.), сёгунат Асикага (1333—1573 гг.), сёгунат Токугава (1603—1868 гг.). Естественно, что столь долгое пребывание у власти военно-феодального сословия наложило отпечаток на жизнь средневекового Японского государства, которая была подчинена интересам именно господствующего класса. Влияние распространялось как на экономику, так и на материальную и духовную сферу существования населения Японских островов.

Постоянные междоусобные войны, вспыхивающие между отдельными феодалами, подавление многочисленных крестьянских восстаний и борьба на северо-востоке страны с айнами обусловили у сословия воинов необходимость держать себя в ежеминутной боевой готовности и, соответственно, способствовали развитию военных искусств (бугэй), то есть умения воевать и пользоваться оружием. В число этих искусств входили «кэндо» — фехтование на самурайских мечах, «содзюцу» — владение копьем, «кюдо» — умение владеть луком и стрелами (искусство стрельбы), «бадзюцу» — верховая езда на коне, «дзюдзюцу» — борьба без оружия, «суйэй» — плавание самурайским стилем, «сюрикэндзюцу» — метание холодного оружия и т. д. Но главным в воинских дисциплинах самураев было обладание «духовными способно-

стями», то есть выработка силы духа, внутренняя подготовка воина.

Духовному аспекту воинских искусств уделялось больше внимания, чем напряжению физических сил и физических способностей. Именно духовная твердость превозносилась самураями выше всего. В качестве решающих факторов в выработке силы духа выступали мистические элементы и медитация (дзадзэн) по системе дзэн — состояние «самоуглубления», самовнушения.

В свою очередь, развитие военных искусств вело к совершенствованию вооружения и боевого снаряжения, что отразилось на прогрессе ремесла и прикладного искусства, связанного с производством оружия самураев, изготовлением одежды, предметов обихода и т. п.

С установлением власти сёгунов начала оформляться идеология служилого дворянства — своеобразный кодекс самурайской этики — бусидо (дословно — путь воина), в основе которого наряду с национальными японскими идеями лежали конфуцианские, привнесенные из Китая. Бусидо являлся неписанным кодексом поведения самурая в феодальном обществе, представлял собой свод правил, норм «истинного», «идеального» воина и опирался на силу убеждения, общественное мнение, пример, традиции и силу нравственного авторитета отдельных лиц, получивших известность в японской истории¹. В частности, бусидо представлял некое учение или, вернее, даже одну из форм выражения идеологии эпохи феодализма, касавшуюся взаимоотношений между людьми того или иного класса. Он также затрагивал отношение воина к государству вообще. Самураи считали бусидо методом совершенствования психической и телесной гигиены, помогающим «правильно жить». В нем совмещались теории бытия и изучение психики человека, решались вопросы, связанные с понятием сущности индивидуума, смысла жизни, нравственных идеалов и ценностей.

¹ Кодекс бусидо рассматривается как неписанный по той причине, что его принципы не были объединены в специальный свод правил и не были изложены ни в одном литературном памятнике феодальных времен. Принципы бусидо нашли свое отражение в легендах и повестях прошлого, рассказывающих о верности вассала своему феодалу, о презрении самураев к смерти. Одним из произведений подобного плана была книга «Хагакурэ» («Сокровище в листве»), написанная в середине XVII века в княжестве Сага, главой которого был Набэсима Наосигэ. Многие трактовали «Хагакурэ» как самурайский кодекс, хотя книга являлась лишь собранием записок, анекдотов и поучений морального характера.

Даймё (феодалный князь) —
самурай высшего ранга
в полном боевом снаряжении
(с японского рисунка).

В число основных принципов бусидо входили храбрость и связанные с ней военное искусство, пренебрежение к деньгам и всякого рода материальным ценностям, преданность идее и т. д. Однако главным для человека, воспитанного в духе бусидо, этой типично сословной морали, было четкое осознание его верности и чувства долга по отноше-

нию к господину — источнику всех благ подданного.

Самурай должен был сам оценивать свои действия и поступки и морально осуждать себя в случае неправильных действий или нарушения своих обязательств и долга по отношению к сюзерену. Отклонение от принципов бусидо и моральное самоосуждение влекло за собой, как правило, самоубийство, совершаемое в соответствии со строго регламентированным ритуалом путем харакири — вскрытия живота малым самурайским мечом. Харакири стало особой привилегией самурайства. Только духовно твердый человек, каким был профессиональный воин, всегда готовый к смерти, мог собственноручно произвести эту болезненную операцию. Вскрытие воином живота в символическом смысле должно было показать непорочность и чистоту помыслов индивидуума, а в случае проступка смывало бесчестье. Из феодального общества традиция совершения харакири была перенесена японской военщиной и в новейшее время.

Отдельные качества, воспитываемые у японских воинов кодексом самурайской этики, сами по себе не вызывают отрицательной оценки. Однако в руках господствующего класса угнетателей они стали реакционными и нередко приводили к уродливым явлениям в жизни общества.

Значимое место в жизни японских воинов занимал буддизм, а именно одно из его направлений — дзэн, или дзэнсю (в европейской литературе принята японская форма обозначения — дзэн-буддизм). Дзэн сыграл важ-

ную роль в качестве официальной религии и идеологии самурайского сословия. Эта секта буддизма стала популярной в Японии в связи с тем, что она пошла по пути упрощения буддийской догматики, в результате чего дзэн стал доступным для крестьянства и других низших слоев населения феодальной Японии. Соответственно дзэн получил широкое распространение в среде самураев, подавляющая масса которых не отличалась желанием знать что-либо другое, кроме военного дела. Дзэн так неразрывно слился с высшим самурайским сословием, став его духовной основой, что способствовал выработке в его рамках производных, получивших название «дзэновских искусств», то есть ритуалов и церемоний, связанных с дзэновскими идеями и положениями (например, чайная церемония, стиль поведения в обществе и т. п.).

Основателем секты дзэн считается индийский монах Бодхидхарма, а первыми проповедниками дзэн в Японии были патриархи Эйсай и Догэн, которые привнесли его из Китая. В переводе «дзэн» (санскр. «дхьяна») означает «созерцание». Суть этого религиозного течения заключается в стремлении познать «истину Будды» и тем самым достичь личного «спасения». Конечным итогом «погружения в молчаливое созерцание» должно быть достижение «просветления» («сатори»). В противоположность другим религиозным течениям в дзэн самураев привлекала его простота. Воину не требовалось отягощать свой ум изучением религиозной литературы, так как по доктринам дзэн-буддизма «истина Будды» не поддается передаче в письменном или устном виде и поэтому любые дидактические пособия или комментарии не могут содействовать ее раскрытию. Достижению желаемого, то есть «просветления» — состояния неопишемого и необъяснимого, по утверждениям монахов, способствует только интуиция, которая, как отмечалось, может привести к нему посредством созерцания.

Основным методом или путем к познанию «истины Будды» в обучении по системе дзэн была медитация (дзадзэн) — пребывание в состоянии безмыслия. Такая методика, согласно высказываниям теоретиков дзэн, воспитывала терпение, телесное и душевное раскрепощение. Для самурая особо важным было не дрогнуть внешне и внутренне перед неожиданной или ожидаемой опасностью, сохранить при этом способность трезво мыслить, быть невозмутимым в любых жизненных ситуациях. На практике, как писал большой знаток дзэн-буддизма

Д. Т. Судзуки, самурай должен был, оставаясь неотягощенным во всех отношениях, обладая железной силой воли, идти прямо на врага, не глядя назад или в сторону, для того чтобы его уничтожить,— и это все, что требовалось от него.

Был и другой путь к «просветлению», очень подходящий для самураев. Состояния «сатори», по утверждениям теоретиков дзэн, мог достичь не только созерцатель, неподвижно сидящий вдали от мирской суеты, но и сражающийся самурай. Кроме того, слепое повиновение своему сюзерену — феодальному князю, который рассматривался воином как достигший «мудрости Будды», также служило надеждой для личного «прозрения».

Бытие в существующем мире признавалось лишь видимостью, а не действительностью. Внешний мир, по буддийским представлениям, иллюзорен и эфемерен, он только проявление всеобщего «ничто», из которого все рождается и в которое все уходит. Жизнь в этом «ничто» дана людям на время и подлежит непременно возвращению, что может случиться в любой момент. Поэтому дзэн-буддизм учил человека быть всегда готовым к моменту смерти, не бояться ее, не цепляться за жизнь, имущество, материальные блага и т. д. Именно это презрение к смерти притягивало к дзэн идеологов самурайства.

С другой стороны, буддизм проповедовал, что жизнь вечна и смерть является лишь звеном в бесконечной цепи перерождений, при которых каждое живое существо возрождается через определенный промежуток времени. Возрождение человека вновь в другом облике обуславливалось соответствующим «добродетельным», с позиций буддизма, поведением индивидуума в прошлой жизни. В совокупности эти положения повлияли на формирование так называемого «этикета смерти» — умения «красиво умирать», который обязан исполнять каждый самурай. Воин должен был умирать на поле сражения непременно с улыбкой на устах и словами буддийской молитвы.

Концепция непостоянства всего существующего, эфемерности и призрачности жизни, выработанная в Японии под непосредственным влиянием буддизма, где войны, разорение и убийства были вполне нормальным, частым и почти бытовым явлением, связывала в то же время все кратковременное с понятием прекрасного и облекала это недолговечное в особую эстетическую форму. Жизнь человека сравнивалась с цветением вишни и опаданием ее

лепестков, испарением капель росы после восхода солнца с поверхности листа растения и т. п. Она считалась тем прекраснее, чем была короче, особенно если это «ярко» прожитая жизнь. Отсюда небоязнь смерти, «умение умирать». А «ярко» прожитая жизнь, по неписанным законам самурайской этики, это смерть во имя исполнения долга, ради императора, господина, нравственного долга и т. п. Подобная смерть считалась «настоящей жизнью».

Таким образом, дзэн-буддизм посредством психологических факторов или самовнушения вырабатывал у воинов необходимые качества. Благодаря значительной эмоциональной насыщенности внушенных себе представлений, чувств и идей самурай получал особую психологическую подготовку, играющую важнейшую роль во всей его жизни.

Прямую выгоду из подобного отношения к жизни и смерти, пренебрежения ко всякого рода боли извлекали феодалы, на службе у которых находились самураи. Дисциплинированный воин, преданный своему господину и захваченный идеей духовного подвига, являлся идеалом. Приказ хозяина для такого солдата — закон, и самурай старался выполнять его любой ценой, дабы не покрыть позором свое имя и не обесчестить свой род. Не случайно сёгунат и феодальные князья видели в буддизме средство идеологического воздействия на эксплуатируемые массы народа, в среде которого он начал насаждаться еще в VII — VIII веках. Буддизм учил, что жизнь — это страдание. А раз человек создан для страданий, то ни к чему стремиться к их облегчению¹.

Буддизм безоговорочно был принят господствующим классом феодальной Японии, и синто на какое-то время переместился на второй план, являясь в основном религией низших слоев японского средневекового общества. Тем не менее синтоизму, как и прежде, покровительствовала императорская семья.

Храмы синто со своими землями и материальными ценностями не могли, естественно, сравниться с буддийскими монастырями ни по политическому влиянию, ни по силе экономического воздействия. Однако между, казалось бы, различными религиями — синто и буддизмом — не было такого непримиримого антагонизма, ко-

¹ Именно поэтому в современном буржуазном обществе дзэн-буддизм привлек внимание определенной части молодежи, стремящейся уйти от реальности внешнего мира, с помощью «восточной мудрости слиться с Буддой» и достичь индивидуальной свободы без попыток что-либо изменить в общественных отношениях.

торым характеризовались отношения между религиями, разного рода религиозными течениями в Европе и который до сих пор наблюдается, например, между католиками и протестантами в отдельных странах.

Синтоизм — глубоко национальная религия, укоренившаяся в сердцах и мыслях японцев. Вытеснение синто с арены духовной жизни Японии ни в коей мере не означало его деградации, в том числе и в высших слоях японского общества. Он просто приспособился к сложившимся условиям и продолжал жить, сосуществуя с буддизмом. Религиозные идеологи, в частности теологи секты сингон, разработали для синто-буддийского синкретизма концепцию так называемого «рёбу-синто» — «двуединого синто», которая не противоречила догмам буддизма.

Процесс взаимопроникновения синто и буддизма начался уже в VIII веке. Участие одних и тех же верующих в церемониях синто и обрядах буддизма не порицалось. Местные синтоистские боги рассматривались как защитники учения Будды, и в то же время они сами нуждались в спасении при помощи буддийского вероучения. В буддийских храмах возводились синтоистские святилища и т. д. Сближению синто и буддизма особенно способствовали две буддийские школы — тэндай и сингон. Согласно одной из догм школы сингон, вся Вселенная считалась проявлением Будды. Это легко позволяло отождествить божества синто, олицетворяющие различные силы природы, с соответствующими проявлениями Будды¹, то есть первые могли проявляться в облике синтоизма, и наоборот. В этом как раз и заключается основная идея двойного пути синто. В указе правительства Токугава, принятом в 1614 году, отмечалось, что «ками» и «Будда» отличаются лишь по названию, но не по сущности.

Учитывая популярность синто среди японцев, буддисты пошли по пути включения в свой пантеон наиболее значимых синтоистских божеств, которых в молитвах и священных текстах стали называть буддами или бодхисатвами и обозначать соответствующими буддийскими терминами². Так, верховное божество синтоистской ре-

¹ См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 43.

² Будда, по буддийскому вероучению, существо, ведшее в своих прежних жизнях праведное существование, добившееся «просветления» и погрузившееся в блаженное небытие — нирвану. В противоположность буддам, бодхисатвы, достигнув своей высшей цели, добровольно отказывались от вечного блаженства ради спасения заблуждающихся людей, живущих на земле.

Храм бога войны Хатимана в Камакура.

лигии — солнечная богиня Аматэрасу приверженцами школы сингон была провозглашена «местным» воплощением великого космического будды Вайрочана — по-японски Дайнити («Великое солнце») ¹. В качестве прототипа особо почитавшегося самураями бога войны Хатимана выступал обожествленный в синтоистской традиции дух мифологического шестнадцатого императора Японии Одзина (201—310 гг.). Хатиман рассматривался как помощник японцев в их войнах и считался покровителем самураев, в особенности воинов рода Минамото. По легенде, отец Хатимана пал от рук корейцев, вторгшихся в Японию еще до рождения сына. Мать будущего божества императрица Дзингу, будучи беременной им,

¹ См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии, с. 44.

предприняла поход против корейцев, с тем чтобы пока-
рать их и захватить Корейский полуостров. Поход Дзин-
гу был успешным, и Корея была покорена. По возвра-
щении в Японию императрица родила сына. При этом
все победы японского оружия в Корее были приписаны
именно Хатиману, находившемуся тогда еще во чреве
матери. Культ Хатимана, номинально являвшегося бо-
гом синто, был глубоко пропитан буддизмом. Многие
изречения, приписываемые богу войны, носят явно буд-
дийский характер, так как в них он якобы называет себя
«босацу», то есть бодхисатвой. У буддистов Хатиман
действительно олицетворялся с бодхисатвой, носившим
имя Дайдзидзайтэн.

В честь Хатимана в Японии построено множество свя-
тищ. В числе наиболее знаменитых святынь был храм
в Явата (нынешняя префектура Фукуока), основанный
в 859 году, а также известный храм Цуруга-ока Хатиман,
находящийся в городе Камакура (префектура Канагава)
и пользующийся большой популярностью до настоящего
времени. На скаковом кругу храма Цуруга-ока Хатиман
самураи в осенний период года проводили состязания по
стрельбе из лука с коня (ябусамэ), приурочивавшиеся,
как правило, к синтоистским праздникам. В качестве
главного распорядителя при ябусамэ обязательно высту-
пал синтоистский священник.

Взаимоотношениями буддизма и синто обусловлен, по
всей вероятности, тот факт, что буддизм часто практико-
вал совершенно нехарактерные для этой религии прие-
мы — изгнание злых духов, гадание, шаманские дей-
ствия. Все это было ранее типично для синтоизма.

Но окончательного и полного слияния синто и буддиз-
ма все же не произошло. Например, в главных синто-
истских святынях — храмах в Исэ и Идзумо — запрещалось
даже упоминание о буддийском вероучении, его пан-
теоне и служителях. Тесная связь императорской фам-
лии с синто также сыграла определенную роль в том,
что национальная религия японцев не была поглощена
буддизмом. Императору и его окружению было выгодно
поддерживать синтоистский культ, провозглашавший
главу японцев потомком солнечной богини¹.

Таким образом, синто и буддизм не противоречили
друг другу, чем и было обусловлено то, что японские
воины, исповедуя в основном дзэн-буддизм, в равной

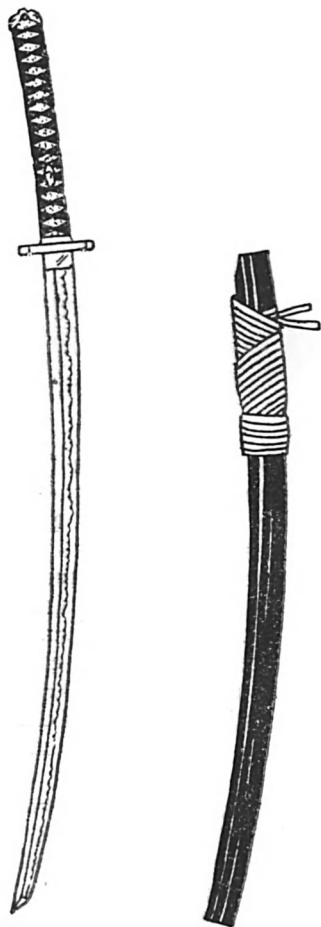
¹ См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги
Японии, с. 46.

мере перед битвами обращались в своих молитвах и к синтоистским божествам. Хатимана называли и бодхисатвой, и его синтоистским именем, произнося для него клятвы: «да увидит Хатиман наши луки и стрелы», «клянусь Хатиманом» и т. д. Вместе с рядом буддийских богов — богиней милосердия Каннон (Аволокитешвара), Мариситэн (Маричи), божеством, покровительствующим воинам, — не меньшим уважением самураев наряду с Хатиманом пользовались и другие обожествленные синтоизмом личности, как мифический Дзимму тэнно, императрица Дзингу и ее советник Такэти-но Сукунэ, принц Ямато-дакэ — покоритель айнов и др. Почитание божеств синто самураями подразумевало не только обращение к ним с молитвами, но и проведение в их честь празднеств. Одним из таких синтоистских праздников, посвященных богам войны, был «гунсинмацури», торжественно отмечавшийся осенью в храме синто в Хитати.

Кроме почитания божеств, синто требовал от самураев также обязательного почитания умерших предков, поклонения душам убитых в бою воинов, военачальников, которые, как и обожествленные герои древности и императоры, считались богами. Японцы полагали, что умершие прародители, наделенные сверхъестественной силой, могли влиять на события, происходившие в реальности. Особенно это относилось к родовым духам — удзигами, которые якобы могли распоряжаться человеческими судьбами, влиять на успех и неудачу в жизни, оказывать воздействие на ход сражения и т. д. Поэтому самураи верили в божественную предопределенность и ставили свою жизнь в полную зависимость от «воли богов». Перед каждой военной кампанией принято было обращаться к удзигами, чтобы снискать их расположение, отвлечь гнев духов-предков за несоблюдение благочестия, если оно имело место, и т. д.

Необходимо отметить, что особое отношение синто

распространял на оружие воинов, призванное карать врагов. У самураев почитание оружия превратилось в своеобразный культ. Нередко оно само тоже рассматривалось как божество. В частности, это относится к символу самурайства и «душе» японского воина — мечу. Богом, почитаемым в Ацута, считался, например, меч Кусанаги, извлеченный божеством ветра и бури Сусаноо из хвоста восьмиголового змея. Синто освещал также и другое оружие самураев — копье. В честь копья, как и в честь божеств, устраивался самурайский праздник «яримацури» — «праздник копья». Наиболее знаменитые копья, как и мечи-боги, имели свои собственные имена. Копье, с помощью которого Идзанаги творил Японские острова, называлось «Аmano тамахоко» — «небесное драгоценное копье».

Личное оружие самураев передавалось по наследству, и им дорожили как реликвией. Такое отношение к оружию, особенно мечу, перешло от средневековых самураев к военщине XX века: меч оставался с его владельцем до последней минуты жизни.

Меч и копье синто рассматривал иногда и как «тело» или «облик» бога (синтай), то есть материальный предмет — воплощение божества, являющегося объектом почитания. Синтай помещался в закрытой части главного храма любого комплекса синто.

Несмотря на то что меч представлялся самураями как символ чистоты, добра и справедливости, несмотря на

осуждение кодексом бусидо беспорядочного применения оружия, правила которого считали бесчестьем обижать невинного и слабого, меч на протяжении всей его истории служил инструментом насилия, несправедливости и жестокости.

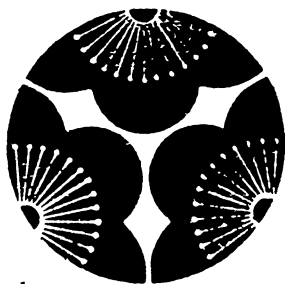
Ярким примером бесчестного употребления меча, помимо применения его в захватнических феодальных войнах, являлся каннибалистический обряд пробы нового меча — тамэсигири, или цудзигири (букв. «убийство на перекрестке дорог»). Сущность обряда заключалась в том, что новый, не бывший в употреблении меч обязательно надо было испытать на человеке. Нередко жертвами становились нищие или крестьяне, поздно возвращавшиеся с полей.

Местные власти, пытаясь предупредить беззаконие, выставляли на улицах ночные посты и устраивали караульные помещения на перекрестках дорог. Однако охрана относилась к своим обязанностям небрежно, а потому число убитых самураями прохожих исчислялось тысячами.

Таким образом, синтоизм в определенной мере повлиял на оформление религиозного мировоззрения и идеологических основ сословия воинов Японии. Впоследствии эти религиозно-идеологические заповеди самурайства почти без изменений были перенесены в императорскую армию. Жестокие самурайские традиции феодального времени органически слились с наиболее подходящими для милитаристов Японии конца XIX — первой половины XX века концепциями синто.

Вторая половина XIX века открыла новую страницу в истории Японии. В 1868 году свершилась революция, в ходе которой был свергнут режим военно-феодальной диктатуры. Власть от последнего, пятнадцатого представителя династии Токугава сёгуна Ёсинобу (Кэйки) перешла к пятнадцатилетнему императору Муцухито (Мэйдзи). В японской истории это событие получило название «Мэйдзи исин» — «реставрация Мэйдзи», то есть восстановление правления императора. По своей сути революция Мэйдзи была буржуазной, так как в ее осуществлении участвовали слои народившейся японской буржуазии, и после победы революции перед Японией открылся путь капиталистического развития. В то же время «реставрация» явилась незавершенной буржуазной революцией. В стране сохранялось множество феодальных пережитков, в том числе и власть императора. В состав нового правительства, по существу созданного феодалами, вошли наряду с членами императорской семьи и придворной знати также и сами феодалы — влиятельные князья сёгуната Токугава, хозяева крупных земельных владений. Таким образом, в Японии утверждался монархический помещичье-буржуазный блок.

Революция Мэйдзи не была случайной, она носила закономерный характер. Предпосылки событий конца 60-х годов XIX века зародились за-

ОБНОВЛЕНИЕ СИНТО

долго до этого времени. Уже в XVIII веке в Японии начала развиваться мануфактура. В деревнях происходило расслоение крестьянства, появлялись земельные собственники, часть обедневших крестьян уходила на заработки в город. Богатели промышленники и купцы. Процесс разложения феодализма ускорило насильственное «открытие» Японии иностранным капиталом. Англия, Франция, Россия, Голландия, а позднее и США давно помогали установлению экономических отношений с Японией с целью навязывания ей торговых договоров. Наиболее решительно в этом отношении действовало правительство США.

11 февраля 1854 года коммодор Перри ввел свои корабли в Токийский залив и, угрожая оружием, заставил японские власти принять ультиматум Америки. Японский рынок был открыт для американских товаров на выгодных условиях. Такие же отношения через некоторое время установили с Японией крупные капиталистические страны Европы. Неравноправные договоры со странами капитала сильно повлияли на экономику Японии, вызвали ухудшение положения ремесленников и крестьян. Начались волнения среди населения и самурайские бунты. Экономическая разруха, вызванная проникновением иностранного капитала, в сочетании с феодальной эксплуатацией вызвала мощный революционный подъем крестьянских масс.

Нарастающим антифеодальным движением воспользовались торгово-промышленная верхушка и обуржуазившаяся часть феодалов. Буржуазия направила это движение в выгодное для нее русло, что в конце концов и привело к победе революции Мэйдзи. В январе 1868 года войска императорского правительства разбили в сражениях при Фусуми и Тоба (близ Киото) силы отрекшегося от власти сёгуна.

Установление капиталистических отношений шло в Японии тем же путем, что и в европейских странах. Разница заключалась лишь во времени. Япония опоздала с выходом на мировую арену в качестве капиталистического государства. Хотя в стране и были проведены в послереволюционное время реформы, способствовавшие развитию капитализма, потребности его удовлетворялись внутренним рынком далеко не полностью. Почти с первых лет существования нового японского правительства это привело к милитаризации страны с целью проведения агрессивной экспансионистской политики для ликвидации «исторической несправедливости». Политика

внешней экспансии подразумевала захват чужих территорий и превращение их в колонии.

В этих условиях правящая верхушка начала активно способствовать развитию националистических и шовинистических настроений, которые разгорались в конце XIX века в Японии подобно пламени. И здесь на арену снова вышла японская военщина. Несмотря на то что сословие самураев было отменено декретом 1872 года, потомственные военные сохранили свое привилегированное положение при новом сословном делении общества. Формально три сословия послереформенной Японии — «кадзоку», образовавшееся из придворной и военной знати, «сидзоку», бывшие самураи, и «хэймин», простой народ (крестьяне, горожане и т. д.), — были уравнены в своих правах. Даже «эта» — японские парии — кожевники, живодеры и мусорщики, которые при сёгунате Токугава считались самой презренной категорией населения, и аборигены Японских островов айны получили на словах равные со всеми японцами права и возможности. На деле же все осталось почти как прежде. Что касается бывшего самурайства, то за военно-служилым дворянством павшего сёгуна были закреплены все высшие командные посты создаваемой императорской армии. В особенности это касалось бывшего клана Тёсю, члены которого заняли военные должности в сухопутных силах, и клана Сацума, представители которого укрепились в командовании флотом. Эти два феодальных объединения прежней Японии оказались тесно связанными с японской монархией, в противоположность самурайской оппозиции — тем самураям, которые остались при новых порядках не у дел, так как не смогли приспособиться к новым условиям, связанным со стремительным ходом капиталистических преобразований.

По сути дела «сословной организацией», состоящей из самураев, стала также и японская полиция, потому что в нее охотно шли служить профессиональные воины упраздненных феодальных княжеств, не находившие себе применения. Население, звавшее, что полиция в подавляющем большинстве состоит из самураев, продолжало относиться к полицейским почти так же, как в до-реформенной Японии к правящему сословию воинов, — с боязнью¹.

¹ Законы феодальной Японии допускали самосуд со стороны самурая по отношению к человеку низшего сословия, если он это «заслужил». В одном из пунктов основного административного уложения Японии эпохи Токугава говорилось, что горожанина или

Новая императорская армия создавалась на основе принципа всеобщей воинской повинности, с использованием опыта западноевропейских стран. Армия и флот оснащались современной техникой. Для повышения боеспособности буржуазной японской армии в Токио в 1873 году была открыта военная академия, куда власти пригласили военных преподавателей из развитых капиталистических государств. Однако наряду с нововведениями многое в войсках и флоте соответствовало феодальным традициям. Вместе с самураями-офицерами в созданные вооруженные силы были привнесены многие особенности, некогда типичные для самурайских дружин. В основном это было наследие идейного характера. Основами идеологической обработки императорской армии были кодекс самурайской этики бусидо, несколько измененный в соответствии с духом времени, и синтоизм с его почитанием предков, связанный с национальными богами и культом «божественного» императора.

Именно в это время синтоизм вновь стал возрождаться и достиг наивысшего подъема за всю свою долгую историю. Однако постепенное выдвижение синто на передний план начало осуществляться еще задолго до революционных событий 1867—1868 годов. Уже в XVII веке некоторые конфуцианские идеологи выступили с антибуддийскими высказываниями, что, по сути дела, подрывало авторитет буддийских храмов и духовенства, а также политические основы феодального государства. Такие выступления были возможны, так как конфуцианство являлось в феодальной Японии государственной идеологией. Идеи конфуцианства основывались на незыблемости всего существующего, на требовании безоговорочного повиновения подданных своему правителю и признании классовой дифференциации феодального общества в качестве вечного и неизменного закона жизни и поэтому были очень удобны государству.

Критические труды конфуцианцев и определенное взаимовлияние синто и конфуцианства, в частности впитывание национальной религией японцев конфуцианских принципов, вызвали интерес к синтоизму. Свидетельством тому было резкое увеличение паломничеств в синтоистские храмы. Великий храм Исэ, посвященный солнечной богине Аматэрасу, например, только за два ве-

крестьянина, виновного в оскорблении самурая речью или грубым поведением, можно зарубить тут же, на месте, не опасаясь последствий. В популярной форме это правило было известно как «кири-сутэ гомен» — «разрешение зарубить и оставить».

сенних месяца 1705 года посетило свыше 3,5 миллиона паломников¹.

Сближение синто и конфуцианства чжусианского направления (по имени китайского философа и интерпретатора конфуцианства Чжу Си, жившего в Китае в XII веке) началось уже в начале правления сёгуната Токугава. Философ Фудзивара Сэйка, например, заявлял, что синтоистские божества воплотились в правителях Японии и продолжают жить в их потомках. Ямадзаки Ансай, которого японские фашисты стали считать пророком и учителем, рассматривал конфуцианство как средство для обновления синто. Учение Конфуция в чжусианской трактовке Ямадзаки полностью подчинил националистической пропаганде, первым сформулировав тезис о национальной исключительности и божественной избранности японцев, что было впоследствии развито в милитаристской Японии и возведено в ранг государственной политики.

Согласно концепции Ямадзаки, который пытался подвести «философскую» основу под догматику синто, основой Вселенной являлось идеальное начало «ри» (кит. «ли» — конфуцианский «великий принцип»). «Ри» рассматривалось как единое божество, воплощающееся во всем, разделяющееся и существующее как «восемь миллионов» божеств. Единое божество обладает постоянством, неизменностью и неисчерпаемым источником добродетелей и является не чем иным, как Кунитокотати-но Микото, богом богов, родоначальником семи поколений богов². Кроме того, согласно концепции Ямадзаки, боги живут во всех японцах, действуют через них посредством верноподданности, почитания государства, предков и главы семьи.

По мере разложения феодализма и упадка сёгуната Токугава синто все более становилось знаменем в руках противников существующего режима.

После переворота Мэйдзи новые власти сразу же сделали ставку только на синто, надеясь получить опору широких слоев населения и одновременно лишить почвы проигравшую сёгунскую оппозицию с ее буддизмом. Таким образом, буддизм и синтоизм поменялись местами. Однако основной причиной взлета синто была идея божественного происхождения императорской власти, объ-

¹ См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии, с. 77.

² См.: Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 308—309.

единения японцев вокруг «живого бога» и провозглашения милитаристскими кругами страны великой миссии японского народа в Азии, чтобы скорее войти в ряд великих капиталистических колониальных империй.

Японские власти самым серьезным образом взялись за укрепление синто, которое на глазах превращалось в государственную общенациональную религию, официальный культ, получивший название «кокка-синто». В 1868 году правительство учредило специальный департамент по делам синто, а в 1871 году преобразовало его в министерство синто.

В упрощенном виде концепция государственной религии, выработанная в конце XIX — начале XX века, основывалась на трех догмах, сущность которых сводилась к следующему.

Император — божественное лицо. Его божественность происходит от его великих предков, которые обладают духовными и физическими свойствами богини Аматэрасу.

Боги покровительствуют Японии. Поэтому ее народ, территория и каждое учреждение, связанное с богами, превосходят все другие на земле.

Отсюда священная миссия Японии — объединить мир под ее главенством, с тем чтобы человечество могло пользоваться преимуществом нахождения под управлением божественного императора¹.

В третьей догме кратко определялась внешняя политика Японии. Основные «утверждения» о священной миссии Японии в мире приписывались мифологическому императору Дзимму. Принцип объединения всех государств под эгидой Японии именовался «хакко итиу» — «восемь углов под одной крышей», или «весь мир — под один кров». В первую очередь принцип касался народов Азии, которые необходимо было «защитить» от угнетения «белых варваров». Расовая война преподносилась как «божественно справедливая», бескорыстная со стороны Японии и неизбежная. В связи с этим пропаганда войны достигла невиданного размаха. Каждому японскому военнослужащему внушалось, что весь смысл его жизни — смерть за императора. «Хакко итиу» являлось моральной целью каждого верноподданного японца, а цели можно было достичь только посредством преданности императору, то есть идя по «императорскому пути» («кодо»), который представлял собой доктрину японского монархизма.

¹ См.: *Сет Р.* Тайные слуги, М., 1962, с. 79.

Эти измышления милитаристских идеологов не оставались застывшими. По мере того как находились новые «философы», идеи дополнялись, модифицировались, постоянно «обогащались». Один из теоретиков и организаторов движения «японизма» Иноуэ Тэцудзиро, автор бредовых рассуждений об исключительности японской расы и Японского государства, утверждал, что Япония является «государством ян», в отличие от всех других — «государств инь»¹. В китайской традиционной философии «ян» символизировало светлое, мужское начало. В противоположность ему, «инь» представлялось как темное, женское. Это подразумевало, соответственно, управление и главенство «света над тьмой», то есть Японии над другими государствами. Иноуэ Тэцудзиро делал выпады и против Советского Союза, мечтая о восстановлении в России монархии, призывал к войне, подчеркивая, что «дух Японии — это меч» и т. д.²

Другой фашистский модификатор идеологии империалистической Японии, Ираи Киндзо, заявил, что Гитлер и Муссолини являются якобы настоящими конфуцианцами, а фашизм — современным выражением учения Конфуция. Идеолог синтоизма Фудзисава Такао договорился до того, что возвел фюреров германского и итальянского фашизма в ранг родственников японского императора по «выполняемой ими миссии», оправдывая этим военный союз с Германией и Италией в целях завоевания и раздела мира³.

Для пропаганды милитаризма, монархизма и шовинизма необходимы были идеологические учреждения. Ими стали в ряду других новые синтоистские храмы. В числе первых был сооружен в 1869 году в Токио храм Сёконся⁴, позже переименованный в Ясукуни дзиндзя. Его воздвигли в честь солдат, погибших во время революции Мэйдзи, выступавших на стороне императора против войск сёгуна. Впоследствии храм превратился в главный центр милитаристской шовинистической пропаганды, особенно в годы второй мировой войны, так как являлся символической братской могилой японских воинов, павших за императора. Объектом поклонения ста-

¹ См.: *Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии, с. 431.

² См. там же.

³ См. там же, с. 436.

⁴ «Сёконся» происходит от японского термина «сёконсай» — «день (праздник) памяти павших на войне», «день по заклинанию (вызову) духов тех, кто погиб в боях».

ли здесь списки «солдат-богов». Как уже отмечалось, Ясукуни и сейчас продолжает оставаться местом, вокруг которого концентрируются наиболее реакционные и милитаристские круги Японии.

В то же время в императорском дворце была воздвигнута святыня в честь богини — прародительницы японских императоров Аматаэрасу. После переворота Мэйдзи поклонение ей еще больше возросло. Из «восьми миллионов богов» синтоизма божество Солнца стало самым почитаемым. От каждого верноподданного японца требовалось иметь в своем доме маленький синтоистский алтарь солнечной богини, перед которым надлежало начинать день молитвой. Те, кто не имел такого алтаря, считались неблагонадежными¹.

Домашний синто с его почитанием Аматаэрасу находил свое высшее проявление в храмовом синтоизме. Основой культовой практики храмового синто стал династический культ, подчеркивавший родство императора с богами. Обряды династического культа выполнялись самим императором в главном синтоистском святилище в Исэ либо в храмовом дворцовом комплексе.

Особых почестей удостоился в послереформенной Японии внук Аматаэрасу — Дзимму, первый император Японского государства. Ему были посвящены храмы в Миядзаки на острове Кюсю и в Касивара на главном острове Японского архипелага Хонсю. По легенде, именно в Касивара началось правление мифического императора.

После смерти императора Муцухито, последовавшей в 1912 году, в Токио по распоряжению властей в его честь был воздвигнут огромный синтоистский храм — Мэйдзи дзингу, получивший статус общенационального святилища.

Строились и другие храмы, предназначавшиеся для почитания в них исторических лиц, выделившихся в свое время преданностью по отношению к императорской фамилии. К их числу относилось святилище, сооруженное в Кобэ по повелению Муцухито в честь знаменитого самурая времен средневековья Масасигэ Кусуноки (XIV в.). Являясь вассалом императора южной династии, он погиб, отстаивая интересы своего господина в борьбе с другой группировкой, стремившейся к власти в стране. Проиграв сражение, Масасигэ и еще шестьдесят самура-

¹ См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии, с. 83—84.

ев совершили обряд харакири. Этот случай считался в истории Японии одним из самых благородных примеров преданности долгу и императору. В ультранационалистских и милитаристских кругах обожествленный дух Масасигэ стал особенно почитаемым. В конце второй мировой войны Масасигэ Кусуноки был провозглашен богом летчиков-смертников — камикадзе.

Появление новых храмов синто сопровождалось увеличением синтоистского духовенства, которое получило существенные привилегии. Священнослужители синтоистских храмов перешли, например, на полное государственное обеспечение. Кроме этого, все прихожане определенного храма, которые были приписаны к нему по территориальному признаку, должны были оказывать святилищу материальную поддержку.

После революции 1868 года император стал официально рассматриваться в стране как живое божество, имеющее мистическую связь с Аматэрасу и другими богами синто, как непосредственный их представитель на земле, способствующий возвеличиванию Японии. Создание ореола божественности вокруг личности императора отразилось на всех сферах жизни японского населения.

Националистической пропагандой император представлялся как «отец» нации. Японцы, в первую очередь молодежь, воспитывались на основе сочетания синтоистских и конфуцианских принципов, в духе безграничной преданности трону, готовности идти на любые жертвы ради «священной» особы. Чувство верноподданничества, по учению Конфуция, должно корениться в культе предков. Почитая своих родителей, японец почитал императора и предков монарха — богов.

«Отец-император» стоял во главе «большой семьи» — сверхпатронимии — совокупности всех японских семей. Эта идея, основывавшаяся на пережитках семейно-родовых принципов прошлого, в Японии именовалась концепцией «додзоку» — «единой семьи».

Наиболее активно синтоистские и конфуцианские идеи, прививавшие любовь к императору, вдалбливались в головы солдат и матросов новой императорской армии и флота. Идеологическая обработка велась ежедневно. Этому способствовали небольшие синтоистские храмы, которые имелись при каждой войсковой части, на каждом корабле. Прежде всего, синто поддерживал в войсках любое проявление национализма, так как синтоизм является сугубо националистической религией. Теоретики синто заявляли, что неаппонек никогда не смо-

жет стать синтоистом. Принцип «национального» в воспитании воина ставился националистической пропагандой на первое место. В связи с этим мораль воина императорской армии (видоизмененный кодекс бусидо) была объявлена «японским национальным духом».

Уже с 70-х годов XIX века синто начал приобретать большое значение в культивировании национализма. Особые перспективы в этом направлении открылись у японской национальной религии после принятия в 1889 году конституции, провозгласившей свободу вероисповедания с одновременным утверждением концепции государственного синто. Этот ход был тщательно продуман. Свобода вероисповедания предотвращала недовольство, которое могло вызвать полное отчуждение буддизма и других религий, ранее распространенных в Японии. Буддизм, в частности, в течение многих веков влиял на японский народ и, как уже отмечалось, по многим позициям находил точки соприкосновения с синто. К тому же буддийское духовенство полностью поддерживало государство, в том числе и агрессивную политику японского империализма. С другой стороны, синто, по новой конституции, стоял выше любой религии и религиозного течения и в то же время был совместим с исповеданием и буддизма, и христианства и т. д. Идеологи синто стали называть его культом национальной морали и патриотизма. Таким образом, религия и политика начали сливаться воедино.

В соответствии с нововведениями все подчинялось идеям этого культа и было связано с ним. Прямо или косвенно и в школе, и в армии японцам постоянно преподносили тезисы, выработанные идеологами шовинистического монархизма, об исключительности Японии — «страны богов», уникальности ее государственности и ее героев — средневековых воинов, особенно тех, кто отдал жизнь за императора, о несравненности японской культуры, языка, природы — проявления божественной благодати и т. д. В целях физического совершенствования личности националисты призывали японцев заниматься национальными самурайскими видами спорта: «кэндō» — фехтованием на мечах, «кюдō» — стрельбой из лука, «дзюдзюцу» — борьбой без оружия и т. д.

Япония с ее государственностью, материальными и духовными традициями, естественно, не представляла собой что-то из ряда вон выходящее. Все ее своеобразие объясняется конечно же не каким-либо божественным влиянием, а всецело зависит от особенностей географиче-

ческого положения и исторического развития. Относительная изолированность и этническая однородность населения Японии во многом обусловили сохранение ее национальной специфики, в том числе способствовали укреплению исконно японской религии синто, корни которой уходят в глубь тысячелетий.

Что же касается принципов «национальной» этики, то в японской школе их уяснение считалось более важным, чем развитие ума. С первых же уроков школьникам внушалась мысль, что в недалеком будущем они должны встать в ряды императорской армии и служить в ней на пользу родине. А эта польза трактовалась не иначе как завоевание земель и приобретение колоний для Японии. Широко пропагандировалась мысль о «божественной предопределенности», не зависящей от воли человека. Такой подход воспитывал дух фатальной неизбежности всего, что происходило в мире.

Огромное внимание милитаристская пропаганда уделяла молодежи, так как Японии и императору нужно было много «храбрых и верных воинов». Молодое поколение, не имевшее ни жизненного опыта, ни практики классовой борьбы, легко поддавалось обману религиозных и милитаристских идей. Эта политика дала свои страшные плоды в конце второй мировой войны, когда сотни и тысячи молодых японцев шли на самопожертвование и гибли ради идеалов, внушенных им военщиной.

Пользуясь тем, что мальчиков привлекает оружие, милитаристские круги прививали детям интерес к войне. В предвоенной Японии все подростки начинали получать военное воспитание задолго до призыва в армию. Уже начиная с трех лет дети включались в особые детские организации, напоминавшие организации бойскаутов. В начальной школе, примерно с двенадцатилетнего возраста, мальчиков начинали учить обращаться с оружием, ежегодно вывозили для участия в крупномасштабных маневрах. К четырнадцати годам (в феодальной Японии — возраст перехода сына самурая в категорию взрослых) юноши обязаны были вступить в «Союз японской молодежи» («Нихон сэйнэндан») — массовую молодежную организацию, насчитывавшую в своих рядах около 7 миллионов человек. Этим союзом, как две капли воды похожим на германский гитлерюгенд, естественно, руководили военные.

Полувоенные организации и союзы, по сути дела, давали молодежи такую идеологическую и практическую

подготовку, что призываемые в армию были уже практически почти готовыми солдатами. Призыв в армию составлялся как праздник. После того как родители передавали призывника представителю вооруженных сил, у юноши появлялся новый «отец» — командир полка.

Непосредственный начальник (офицер), а также представители высшего командного состава занимали в воспитании и жизни воина наиважнейшее место. Идеология синто представляла начальника как лицо, занимающее промежуточное место между императором и солдатом, и учила фанатичной преданности офицеру, как императору. Офицер, по императорскому рескрипту, считался исполнителем его «божественной» воли в армии и человеком, относящимся к своим подчиненным подобно тому, как император относится к народу, то есть по-отечески. Приказ командира приравнивался к приказу императора, невыполнение его расценивалось как неподчинение воле императора¹.

Воспитание в подобном духе обусловило слепое исполнение любого приказа. Так, вторая мировая война дала ряд наглядных примеров подобного воспитания и стремления воина выполнить свой долг. В периодической печати разных стран неоднократно сообщалось, что еще до последнего времени японские солдаты на островах Тихого океана «продолжают выполнять неотмененные приказы своих начальников, полученные во время войны, ведя боевые действия». Примечателен случай с лейтенантом Онода Хироо, который в течение 30 лет после капитуляции Японии во второй мировой войне скрывался в джунглях филиппинского острова Лубанг, продолжая вместе с несколькими своими подчиненными вести «партизанскую войну». Милитаристские круги Японии объявили Онода «истинным носителем японского духа и традиций», «преданным императору и стране офицером», олицетворением всех «добродетелей» былых времен.

Аналогичная картина наблюдалась в начале 80-х годов на Соломоновых островах. На острове Велья-Лавелья, по словам местного населения, еще скрывались солдаты японской императорской армии, не знающие о закончившейся много лет назад войне. Министерством здравоохранения и социального обеспечения Японии была снаряжена экспедиция для отыскания этих солдат.

Особым содержанием в синтоистской идеологии наполнялись понятия священности войн, проводившихся

¹ См.: Японский милитаризм. М., 1972, с. 61.

под знаменами императорской армии. Первые же солдаты, погибшие за государя во время переворота Мэйдзи, были провозглашены божествами. И эта практика расширялась по мере роста японской экспансии в Восточной Азии. Все большее и большее число воинов, отдавших жизнь во имя «процветания Японии» и за священную императорскую особу, причислялись к сонму богов, и души их якобы поселялись в храме Ясукуни. При этом моральный облик и образ жизни до начала службы в императорской армии не имели никакого значения. В газетах Японии середины 30-х годов по этому поводу писалось следующее: «Каким бы преступником и негодяем ни был японский подданный, становясь под боевые знамена, он освобождается от всех грехов. Япония воюет во имя императора, и ее войны — святые войны. Те, кто погиб в них со словами «да здравствует император», были ли они хорошими или плохими людьми, тем самым становятся богами»¹. Такая «мораль» на практике снимала с солдат всякую ответственность за содеянное и способствовала оправданию военных преступлений.

Укрепление позиций государственного синто, сопровождавшееся финансовой поддержкой государства, обусловило поспешное признание возвысившейся религии буддийским духовенством в качестве главенствующей в стране. Антиподом синто не стало и христианство в форме католицизма, распространенное среди части населения Японии. Особенно четко сближение этих религий проявилось после присоединения фашистской Италии в ноябре 1937 года к «Антикоминтерновскому пакту», заключенному между гитлеровской Германией и Японией. Таким образом, священнослужители буддийской и христианской церквей Японии практически примкнули к служителям синто в пропаганде священности императорской власти и способствовали возникновению фанатизма у верующих независимо от их вероисповедания. Это означало, что государство не интересовала суть религии, главным было другое — лишь бы она оказывала ему поддержку в реакционной внутренней и экспансионистской внешней политике. И действительно, в дальнейшем, в эпоху империалистических захватнических войн, проявилась негативная роль духовенства разных религий как послушного орудия в руках Японского го-

¹ См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии, с. 81.

сударства. Священники с легкостью причисляли убитых на войне солдат к числу божеств, одурманивали головы воинов, идущих в бой, религиозными идеями, освящали памятники новых героев сражений и военную технику, поступающую в войска, производили всевозможное обслуживание личного состава армии на фронтах, организовывали сбор средств в помощь фронту, служили молебны о победе и т. д. Храмы буквально заклеивались лозунгами и пропагандистскими плакатами, поддерживавшими войны.

Одновременно с укреплением власти императора, представлявшего интересы буржуазии и помещиков, молодых и могущественных японских монополий, и воспитанием народа на идеях превосходства японской нации и «японского духа» в буржуазно-помещичьей монархической Японии постоянно и во всевозрастающем масштабе происходили усиление роли армии в политическом руководстве страной и милитаризация экономики.

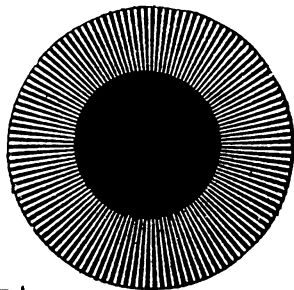
Развитие капиталистической Японии было стремительным. За короткое время, умело используя опыт Запада, она превратилась в богатое капиталистическое государство, что непосредственно было связано с созданием сильной, первоклассно оснащенной армии и флота. Не случайно в связи с этим В. И. Ленин, касаясь вопроса о взаимосвязи экономической мощи и военного могущества, темпов роста этого могущества, отмечал в своей работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы»: «...сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия»¹. За несколько десятилетий XIX века Япония практически смогла добиться того, на что у стран Запада ушло намного больше времени.

Таким образом происходило становление военной мощи «новой» Японии. Императорская армия, воспитанная в духе средневековой идеологии самурайства, находящаяся под влиянием синтоизма и хорошо вооруженная, была в состоянии реализовать агрессивные планы милитаристских кругов, стремившихся к захвату колоний и новых рынков сбыта.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.

С момента свершения революции, свергнувшей власть феодального военного правительства и повернувшей Японию лицом к капитализму, прошло всего несколько лет, однако Страна восходящего солнца уже стояла на пути внешнеполитических авантюр, имевших целью захват чужих земель и отвлечение внимания бывших самураев, недовольных новыми порядками, от внутренних дел. В 1872 году Япония присоединила к своим владениям архипелаг Рюкю. В 1874 году была предпринята первая попытка существенно расширить территорию империи с помощью оружия за счет другой страны. Целью агрессии являлся китайский остров Тайвань (Формоза). Земли острова уже были обещаны японским помещикам и самураям, не имевшим наделов в Японии. Но операция провалилась, так как этому помешали капиталистические страны Запада.

Противодействие со стороны западноевропейских государств не обескуражило Японию. Следующим объектом экспансионистских устремлений стала Корея. Япония направила к берегам Корейского полуострова военную эскадру и, угрожая военной силой, навязала корейскому правительству неравноправный договор, который был подписан 26 февраля 1876 года на острове Канхва, расположенном недалеко от Сеула. В соответствии с договором между странами устанавливались дипломатические

В ОРЕОЛЕ СВЯТОСТИ

отношения. Корея открывала для беспопытной торговли с Японией сначала порт Пусан, а затем Гензан (Вонсан) и Чемульпо, японцам в пределах Корейского полуострова предоставлялись права экстерриториальности и консульской юрисдикции.

В 70—80-е годы в Японии бурно развивается капиталистическая промышленность. В это же время началось демократическое движение буржуазии и либеральных помещиков. В 1872 году произошло первое выступление рабочих против надсмотрщиков на шахте Такасима. В 1889 году в Японии принимается реакционная конституция, которая узаконила самодержавный монархический строй, она была призвана остановить демократическое движение.

Буржуазно-помещичья оппозиция, довольно резко выступавшая против правительства, вскоре объединилась с ним на почве захватнической внешней политики.

Следующим актом международной агрессии стала японско-китайская война, спровоцированная Японией. Отношения с Китаем, под чьим протекторатом находилась в то время Корея, начали портиться сразу после заключения кабального Канхваского договора. В 1894 году в Корее вспыхнуло крестьянское восстание. Китай и вместе с ним Япония ввели туда свои войска. А когда китайская сторона предложила отвести японские части одновременно с китайскими, японцы устроили переворот, установили угодное Японии правительство и начали против Китая военные действия. Японско-китайская война закончилась в 1895 году победой Японии. По договору, подписанному 17 апреля 1895 года в городе Симонсеки, Япония получила желанный Тайвань, Пескадорские (Пэнху) острова, Ляодунский полуостров и большую контрибуцию. Правда, полуостров пришлось через некоторое время под давлением Франции, Германии и России вернуть.

Война ускорила процесс превращения Японии в империалистическую державу. В политической жизни страны этого периода большую роль играла военщина. Япония стала готовиться к новой войне. Ее поддерживали США и Англия.

В 1905 году Япония одержала новую крупную военную победу, на этот раз над царской Россией, своим наиболее опасным противником в Дальневосточном регионе. Несмотря на мужество и героизм русских солдат и матросов, в ходе русско-японской войны 1904—1905 годов Япония выиграла несколько сухопутных и морских

сражений. По Портсмутскому мирному договору, заключенному 5 сентября 1905 года, Россия отказывалась от своего влияния в Корее и Маньчжурии, вынуждена была отдать Японии южную часть острова Сахалин и выплачивать денежную контрибуцию. У Китая Япония вновь отторгла Ляодунский полуостров.

С поражением России в русско-японской войне Япония начала утверждаться на мировой арене как великая колониальная держава. Победа далась нелегко — страна испытывала экономические трудности, в сражениях сухопутное и морское командование использовало почти все свои резервы, значительны были человеческие потери, внутриполитическая обстановка характеризовалась напряженностью. Однако, несмотря на все это, победа в войне была как нельзя кстати для японских милитаристов, монополий и реакционных кругов, которые использовали ее как веский аргумент для пропаганды исключительности японской нации и непобедимости японского оружия. По стране прокатилась волна национализма и шовинизма. Милитаристская пропаганда усиленно восхваляла героев минувших боев, в честь которых устанавливались памятники и открывались музеи. Вести агитацию, прославляющую национальную мощь Японии, было совсем нетрудно. Условия способствовали этому. Со времени революции 1868 года прошло не так уж много лет, все происходило на памяти одного поколения, а Япония уже могла гордиться своими успехами, которые окрылили военщину. Милитаристские круги поняли, что могут и впредь осуществлять в Азии политику колониальной экспансии.

В период послевоенного подъема ультра националистических настроений не осталось в стороне и японское духовенство. Многократно повторялся тезис: японцам помогают их национальные синтоистские боги, всегда стоящие на стороне «избранной нации». Вместе с организацией многочисленных мемориалов, воздвигаемых властями, церковь также развернула широкое строительство храмов и святилищ, получивших название «гококу дзиндзя» — синтоистские храмы «защиты родины», посвященные павшим, сражавшимся за отечество. Ведущее положение, естественно, занимал храм Ясукуни, куда были помещены таблички с именами десятков тысяч погибших на войне солдат.

В то же время японцы начали строительство синтоистских храмов и на захваченных территориях — в Китае, Корее, на Южном Сахалине и т. д. Национальные

боги шагнули за пределы «священной» и «божественной» страны, стали помогать японским войнам на чужих землях. Везде, куда бы ни приходили японские солдаты, появлялись синтоистские храмы, становившиеся идеологическими центрами. Эти центры пропагандировали исключительность японской нации и оправдывали агрессию. На юге Сахалина японцы соорудили 120 святилищ, на Тайване — 100, в Корее — 60, в бывших германских островных владениях на Тихом океане их насчитывалось более 25.

Синтоистские храмы, построенные в Корее, являлись не только базой идейной экспансии и увековечиванием колониального присутствия Японии — они унижали национальное достоинство корейского народа. Чуждые ему в религиозном плане, эти храмы в своем большинстве были посвящены врагам корейского народа, участвовавшим в разное время в агрессии против их родины. После захвата японцами Маньчжурии храмы синто были возведены и там. В частности, заслуживает внимания построенное в районе Муданьцзян синтоистское святилище в честь бога войны Хатимана. Позже, готовясь к военным провокациям против монгольских и советских войск у реки Халхин-Гол, японские самураи обращались к Хатиману с мольбами, прося у него военной удачи¹.

С войнами появились и новые синтоистские божества — некоторые из них высокого ранга, помимо многих тысяч простых (то есть богов, возникших после гибели солдатских масс, не совершивших особых подвигов). В числе таких личностей, погибших во время русско-японской войны (1904—1905 гг.) и причисленных к сонму богов, оказался Хиросэ Такэо. Он являлся командиром корабля «Фукуи мару», которому было приказано закрыть минами выход из бухты города Дальнего (Дальня). При установке мин, осуществлявшейся под обстрелом русской артиллерии, Хиросэ Такэо погиб от взрыва снаряда. В связи с этим в японской армии и флоте его начали рассматривать в качестве эталона мужественного воина.

Другими видными личностями императорских вооруженных сил были адмирал Того Хэйхатиро, корабли которого вероломно напали на русскую военную эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура, и генерал Ногги Марэ-

¹ См.: Светлов Г. Е. Путь богов (Синто в истории Японии). М., 1985, с. 160, 161.

сукэ. Хотя эти военачальники и не погибли в боях, для всех было ясно, что они, как образец самурайской доблести, удостоятся после смерти особой чести. Так оно и вышло. Обоим впоследствии были посвящены синтоистские храмы общенационального масштаба.

Особо следует остановиться на личности генерала Ноги. Во время русско-японской кампании войска, руководимые Ноги, понесли большие потери. В течение одной только операции при городе Дальнем было убито около 58 тысяч японцев. Генерал считал себя виновным в гибели такого количества людей и поэтому на аудиенции у императора испросил разрешения на совершение обряда самоубийства путем вскрытия живота — харакири. Император Муцухито отказал ему в этой просьбе, заявив, что, пока жив, не даст Ноги своего согласия на харакири. Прошло семь лет. В 1912 году Муцухито скончался, и почти одновременно с известием о смерти императора по Японии разнеслась другая весть: генерал Ноги и его супруга совершили «дзюнси» — «самоубийство вслед».

Харакири Ноги было произведено в строгом соответствии с традициями самурайского прошлого Японии, когда вассал «следовал по пути смерти» за господином. В феодальные времена клятва верности давалась только одному сюзерену, и человек как бы принадлежал своему патрону-благодетелю. Добровольная смерть прежде рассматривалась как нежелание пережить феодального князя — источника всех благ самурая. Именно так это событие было истолковано буржуазной пропагандой: исполнение принципа беззаветной верности в древнесамурайском духе. И хотя официальное совершение самураями харакири в послереформенной Японии было отменено, добровольное вскрытие живота, как правило, одобрялось большинством японцев. Конечно, были и противники обряда. Представители же военщины не скрывали своего восхищения этим феодальным пережитком и предавались откровенному ликованию, называя харакири «священным храмом японской национальной души», «великим украшением империи» и «драгоценным институтом, оберегающим честь благородных». Таким отношением к обряду можно объяснить многочисленные случаи самоубийства военнослужащих императорской армии во время всех империалистических войн, которые велись японским милитаризмом.

Служители государственного синто приветствовали поступок Ноги и трактовали его в своих проповедях как

демонстрацию синтоистских добродетелей по отношению к императору. Поэтому синтоистское духовенство начало кампанию по сбору средств для постройки храма в честь преданного императору генерала. Святилище было возведено в Токио и названо «Ноги дзиндзя».

В 1910 году Япония использовала в качестве повода для открытой колонизации Корейского полуострова убийство в Харбине одного из своих дипломатов — бывшего генерального резидента в Корее Ито. 22 августа 1910 года японцы заставили корейское правительство подписать в Сеуле японо-корейский договор об аннексии Кореи, которая с этого времени превратилась в колонию Японии.

Перед первой мировой войной полным ходом шла милитаризация страны. Увеличивались военные ассигнования, которые тяжким бременем ложились на трудящихся. В связи с этим в 1913 году в Токио и других городах произошли народные волнения. Но они не изменили реакционной и агрессивной политики правительства.

Во время первой мировой войны Японская империя еще больше расширила свои владения. Воспользовавшись военными трудностями Германии, воевавшей со странами Антанты, японское правительство решило прибрать к рукам ее дальневосточные и тихоокеанские территории. 23 августа 1914 года Япония объявила войну Германии. Основной удар она направила на Шаньдун — территорию, арендованную Германией у Китая. После штурма и падения крепости Циндао Япония оккупировала провинцию Шаньдун. Одновременно с этой операцией японский императорский флот предпринял захват других колониальных немецких владений — Маршалловых, Каролинских и Марианских островов.

Военные действия на Тихом океане и на территории Дальнего Востока сопровождались шумной антигерманской пропагандистской кампанией, непременно упоминался колониальный разбой стран Европы, в том числе и Германии, в Азии, говорилось об угрозе национальным интересам Японии и т. п. Все это должно было создать общественное мнение, необходимое военным кругам и японским монополиям, вызвать, как отмечалось в печати, «ярость масс против европейского противника». И снова на захваченные земли началось религиозное проникновение. Правительство и синтоистское духовенство позаботились о немедленном сооружении в новых колониальных владениях храмов синто.

Война принесла огромные прибыли японской буржуазии, а трудящимся массам — усиление эксплуатации, возрастание налогов, дороговизну. В связи с этим в 1918 году по всей Японии вспыхнули «рисовые бунты». В них участвовало 10 миллионов человек. Бунты были подавлены, но рабочее движение правящая верхушка задуть не могла. И уже в 1922 году была создана Коммунистическая партия Японии. Она работала в глубоком подполье.

После Великой Октябрьской социалистической революции в России правительство Японии, крайне враждебно отреагировавшее на это событие, наряду с другими странами империализма явилось инициатором интервенции против молодой Советской республики с целью приобщения к империи дальневосточных областей социалистического государства. Однако эта попытка окончилась неудачей. В 1922 году интервентов изгнали с советского Дальнего Востока, а в 1925 году они вынуждены были оставить Северный Сахалин, удерживая тем не менее в своих руках юг острова еще почти 20 лет, вплоть до окончания второй мировой войны.

В течение второй половины 20-х и в начале 30-х годов Япония проводила лихорадочные военные приготовления, направленные против Китая. Японские милитаристы преследовали цель — оккупировать Маньчжурию и подготовить плацдарм для осуществления в дальнейшем «большой войны» против Советского Союза. К концу 1931 года, всего лишь за три месяца, сильная японская армия, начав военные действия на Азиатском континенте, захватила обширную территорию — всю Маньчжурию с населением более чем 35 миллионов человек.

Для того чтобы закрепить успехи в Маньчжурии, командование императорского флота потребовало от правительства санкций на немедленное расширение агрессии против Китая. Был предложен план конкретной наступательной операции в районе Шанхая. Операцию подготовили в кратчайшие сроки и начали, как это уже не раз делалось, с провокаций. Поводом для вторжения якобы явилось «оскорбление японских резидентов в Шанхае». В конце января 1932 года японский десант высадился в запланированном месте и начал боевые действия против китайской армии. Однако китайцы (войска 19-й армии и рабочее ополчение Шанхая) оказали агрессорам упорнейшее сопротивление. Начались тяжелые бои, появились многочисленные жертвы и, соответственно, «герои» сражений.

Новые войны и гибель людей давали Японии и ее синтоистским военным святилищам все новых и новых богов. В шанхайской операции особых почестей после смерти удостоились три солдата японских инженерных войск — Эносита, Китагава и Сакуэ. Они втроем с помощью одной большой мины взорвали китайское укрепление. Погибших солдат сразу же провозгласили божествами и объявили образцом «яматодамасий» — «японского духа». В Японии их стали называть «бакудан сан юси» («три отважных воина с бомбой») или «симпэй» («боги-солдаты», а также «боги-солдаты живого божества», то есть императора). Некоторое время спустя, в конце весны 1932 года, по случаю гибели этих солдат и других японских военнослужащих в шанхайской кампании, в храме Ясукуни провели грандиозную поминальную службу, в которой принимало участие огромное количество приверженцев «японского духа», синтоистов и монархистов.

Но «боги-солдаты» и многие тысячи японских воинов отдали жизни в этой авантюре напрасно. Шанхайская операция провалилась. Требования Советского Союза, недовольство США, Англии и Франции действиями Японии, движение против японской агрессии в капиталистических странах, упорное сопротивление частям императорской армии в Китае и трудная внутривластная обстановка в самой стране заставили японское правительство вывести войска с континента.

Временные неудачи тем не менее не остановили милитаристов. К середине 30-х годов в Японии очень четко обозначилась тенденция — сочетание подготовки к войне с фашизацией страны. И только крайне реакционная система правления в империи могла мобилизовать все силы и ресурсы для военных приготовлений, для подавления демократических сил.

26 февраля 1936 года экстремистская часть японской военщины в лице так называемых «молодых офицеров», недовольная «умеренной» политикой правительства в деле подготовки войны, устроила в Токио вооруженный мятеж. Верные правительству войска подавили путч, однако правящая группировка вынуждена была уйти в отставку, уступив место более правому и связанному с фашистами кабинету Хироита Коки. Но даже такое правительство не устраивало монополистическую буржуазию и милитаристскую верхушку. В июне 1937 года был сформирован новый кабинет, возглавляемый князем Коноэ Фумимаро, занявшим пост премьер-министра. Коноэ

принадлежал к высшей придворной аристократии, был тесно связан с финансовой олигархией и военно-фашистскими кругами. Он являлся активным сторонником сближения с фашистскими государствами Европы — Германией и Италией. Князь объединил разношерстные реакционные группировки и союзы господствующих классов с целью скорейшей подготовки новой войны против Китая и Советского Союза.

Надежды военщины оправдались быстро. Через месяц и шесть дней японской армии был отдан приказ о наступлении в Центральном и Южном Китае. А уже через год японские милитаристы, используя надуманный предлог о так называемых «спорных территориях» на границе между Маньчжурией и советским Приморьем, попытались вторгнуться на территорию СССР в районе озера Хасан. Наши войска разгромили агрессоров и отбросили их за пределы Приморья. Новое жестокое поражение японцы потерпели летом 1939 года на реке Халхин-Гол, когда их войска перешли государственную границу Монгольской Народной Республики. Советские и монгольские войска разбили крупную группировку Квантунской армии.

После оккупации фашистской Германией в 1940 году Франции и Голландии Япония, как она это делала много раз прежде, решила воспользоваться ситуацией и захватить французские и голландские колонии — Индокитай и Индонезию. При этом использовался старый лозунг — «Азия для азиатов», подразумевавший изгнание колонизаторов и создание «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», естественно под эгидой Японии.

Молниеносный захват колониальных владений в Юго-Восточной Азии, осуществленный при поддержке гитлеровской Германии, ускорил заключение военного союза («тройственный пакт») Японии с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Его подписание состоялось 27 сентября 1940 года в Токио. Пакт практически определял сферы влияния фашистских государств: Германии и Италии — в Европе, Японии — в Азии, предусматривал политическую, экономическую и военную помощь в случае необходимости, имел антисоветскую направленность.

В условиях начавшейся второй мировой войны Япония четко определила для себя цели, которые заключались в дальнейшей экспансии в Азии. Захватническая внешняя политика требовала, конечно, постоянной иде-

ологической поддержки. Как и прежде, особое место в обработке масс играла религия. При этом правительство поддерживало любую религиозную идеологию, если она работала в пользу официозной пропаганды. Синтоизм и буддизм как нельзя лучше отвечали этому принципу, полностью солидаризируясь с империалистической политикой милитаристского государства. В свою очередь, государство делало все, чтобы эффективнее использовать религию в интересах милитаристской пропаганды. С этой целью, а также для того, чтобы держать под контролем религиозные течения и секты, в 1939 году правительство приняло закон о религиозных организациях. Малые религиозные группировки и разрозненные секты были укрупнены путем их объединения. С этого времени руководящая роль окончательно переходит к государственному синто, подчинение которому других религий становится бесспорным. Никто уже не подвергал сомнению главенствующую роль храмов Исэ, Касивара и Мэйдзи, являвшихся центрами пропаганды императорского культа, и Ясукуни — святилища, где воспитывался боевой дух японцев.

Наиболее крупным религиозно-политическим событием этого периода явилось празднование 2600-летия «основания» Японского государства мифологическим императором Дзимму, вызвавшее в стране подъем националистических, шовинистических, верноподданнических и милитаристских настроений¹.

Религиозная деятельность синтоистского духовенства, подчиненная основным целям правящих кругов, нашла наивысшую степень своего проявления во время широкомасштабных военных действий на Тихом океане против Соединенных Штатов Америки и их союзников, когда Японии пришлось мобилизовать все силы и ресурсы. В этот период свобода вероисповедания и самостоятельность религиозных организаций были полностью уничтожены. Практически лишь один культ — культ божественного императора и его предков-богов — занимал центральное место в идеологии страны, поглотив все остальные культы. При этом миссия Японии в Азии преподносилась как священная. Именно «страна богов» должна была осуществить принцип «хакко итиу» — «восемь углов под одной крышей» — объединить все страны Востока. Таким образом, как уже отмечалось, экспансионистские устремления японской военщины прикрыва-

¹ См.: Светлов Г. Е. Путь богов, с. 169.

лись рассуждениями о расовом характере борьбы в Восточной Азии. Людям внушалась идея о «божественной» избранности и высоком положении японской расы, и это легко воспринималось в условиях военного психоза.

В октябре 1941 года во главе японского правительства стал генерал Тодзио Хидэки, который представлял наиболее агрессивные круги японского милитаризма и монополистического капитала. С этого момента началась ускоренная подготовка к войне против США, Англии и Голландии. Решено было все подчинить интересам надвигающейся большой войны. Судьба Японии была предопределена.

Планы японская военщина строила грандиозные, впрочем, как и все завоеватели всех времен. В основе войны стоял принцип молниеносности. Войну, как считало японское руководство, можно было выиграть только в результате скоротечных боевых действий, всякое промедление и затягивание чревато катастрофой. Экономическая мощь Америки взяла бы свое, и японцы это понимали. Руководствуясь известным изречением: «Страна, владеющая Тихим океаном, владеет миром», милитаристы стремились к захвату всех островов Тихоокеанского бассейна, а также к оккупации Австралии, куда Объединенный императорский флот намеревался доставить военно-морской десант. Сухопутные силы должны были захватить практически всю Азию — Индокитай, Бирму, Индию и выйти к Средиземному морю для соединения с войсками союзников — Италии и Германии.

В зависимости от успехов ведения войны гитлеровской Германией на советско-германском фронте Япония планировала также боевые действия против Советского Союза. Однако первоочередной задачей правящие круги Японии считали уничтожение тихоокеанского американского флота — основной мощи, препятствовавшей экспансионистским устремлениям Японской империи. Соединенные Штаты Америки были главным противником Японии, и вооруженный конфликт между этими государствами назревал уже давно. Он был следствием непримиримых межимпериалистических противоречий. В. И. Ленин еще в 1917 году, на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, более чем за 20 лет до начала войны на Тихом океане, говорил о неизбежности войны между США и Японией: «Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно.

Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны»¹.

7 декабря (8 декабря по токийскому времени) 1941 года Япония внезапно, без объявления войны, нанесла сокрушительный удар по военно-морской базе Соединенных Штатов на Гавайских островах — Пёрл-Харбору. Японское авианосное оперативное соединение, соблюдая полное радиомолчание, подошло с севера к острову Оаху и двумя волнами самолетов (по три группы в каждой) атаковало военно-морскую базу США и аэродромы острова.

Дерзкое и неожиданное нападение на Пёрл-Харбор входило в план военных действий на Тихом океане, так как уничтожение военно-морских сил противника в кратчайшие сроки обеспечило бы свободу действий в зоне южных морей. К тому же внезапным броском японцы надеялись сломить волю американцев к борьбе. Операция была задумана, предложена, в общих чертах разработана и утверждена главнокомандующим японского военно-морского флота Ямамото Исороку.

Война, начавшаяся на Тихом океане, получила в Японии название «Дайтоа сэнсо» — «Великая восточно-азиатская война», расовая война между желтыми (азиатами) и белыми (европейцами и американцами). «Англо-американские колонизаторы не уйдут добровольно, поэтому Япония вынуждена начать военные действия», — вопило японское радио.

И снова в первые же часы войны появились новые «герои-боги». Теперь в их качестве выступили офицеры императорского военно-морского флота. Атаку на Пёрл-Харбор, проводившуюся с воздуха, поддерживали пять подводных лодок-малюток, доставленных к месту операции дозорными подводными лодками типа «И». Карликовые лодки управлялись смертниками. Это был первый эксперимент такого рода. Лодки-малютки должны были атаковать американские корабли после воздушного налета на гавань. Экипажи этих подводных кораблей-малюток заранее обрекались на гибель, так как лодки не могли подняться на поверхность воды без посторонней помощи. При подводном нападении на американские корабли восемь человек погибли. Одному из девяти офицеров, однако, не удалось приобщиться к категории божеств. Лодка лейтенанта Сакамаки застряла на подводных камнях, и он стал первым пленным офицером

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 284.

японского флота. Сакамаки не смог сделать себе харакири, так как был тяжело ранен. Но это не являлось для него оправданием. На флот легло пятно позора. Самурайский кодекс бусидо был нарушен.

Потери американцев при японском налете на Пёрл-Харбор были весьма существенными. Тихоокеанский флот США оказался парализованным. Японцы потопили семь кораблей (четыре линейных корабля, один крейсер и два танкера), повредили пять линкоров, из них четыре тяжело, сбили в воздухе десять и уничтожили на земле свыше двухсот пятидесяти самолетов. Японский флот потерял всего лишь двадцать девять самолетов и шесть подводных лодок, из них пять карликовых¹.

Успех при Пёрл-Харборе вызвал своего рода опьянение победой, взрыв радости и у военных, и у одурманенного японского народа. Восхвалениям героев и возгласам о непобедимости императорской армии и флота не было конца. Подъем национализма и шовинизма способствовал дальнейшей мобилизации духовных и материальных возможностей нации «во имя окончательной победы над высокомерным врагом». Посол США в Японии, характеризуя события 7 декабря 1941 года, отмечал, что «яматодамасий» после успешной атаки на военно-морскую базу Соединенных Штатов станет очень сильным и опасным. Народ и каждый индивидуум в отдельности, как часть массы, воодушевленные победой, с радостью пойдут на самопожертвование ради императора, как этому учили в школе.

События при Пёрл-Харборе действительно вскружили голову японцам и воодушевили солдат на новые «подвиги» во славу японского оружия. Однако относительно этой победы были и другие мнения. Один пленный японский пилот заявил, что атака на Пёрл-Харбор являлась «моральной ошибкой» вооруженных сил Японии, так как противоречила бусидо. В соответствии с самурайским моральным кодексом, нападать на раненого или ничего не подозревающего врага — позор. В эпоху средневековья самураю всегда давалось время для подготовки к поединку. Противника предупреждали о схватке каким угодно способом — знаком, выкриком, называя при этом свое имя; спящего будили, ударяя ногой по подголовнику, и т. п.

¹ См.: Кампании войны на Тихом океане: Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов, М., 1956, с. 25.

Участь военно-морской базы США на Гавайских островах постигла через некоторое время также и британские владения в Юго-Восточной Азии. Нападению подверглись Гонконг, Сингапур, а также Малайя.

В первые месяцы войны преимущество было полностью на стороне японской армии и флота. В кратчайшие сроки агрессоры захватили Филиппины, Индонезию, Бирму, передовые отряды японских войск вторглись в пределы Индии. Были оккупированы часть Новой Гвинеи и многие острова Тихого океана, принадлежащие Соединенным Штатам Америки и Великобритании. Общая площадь занятой японцами территории в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане составляла около 3,8 миллиона квадратных километров.

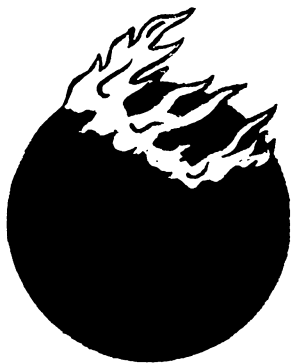
Начальные этапы тихоокеанской войны проводились под лозунгами «Восемь углов под одной крышей» и «Япония — страна богов», выражавшими идеологические принципы государственного синто. Опять, уже в который раз, синтоистские идеологи твердили о помощи богов и об исполнении предвидения великого Дзимму, якобы пророчившего в древности объединение мира под властью Японии. Националистическая и шовинистическая пропаганда захлебывалась от воплей о превосходстве японской нации и всячески старалась поднять боевой дух японцев с целью достижения новых побед.

Однако успехи сопутствовали японским вооруженным силам недолго. Победы сменились полосой военных неудач. Сбылись предвидения трезво мыслящих политиков: экономическая мощь Соединенных Штатов взяла свое. Американский флот быстро оправился от поражения. К тому же на оккупированных японцами территориях разгорелось пламя национально-освободительной войны. Перелом в ходе боевых кампаний на Тихом океане окончательно наметился в мае—июне 1942 года, когда американцы выиграли морские сражения в Коралловом море и у атолла Мидуэй. Вслед за этими поражениями Япония начала терять свои позиции одну за другой и переходить от наступления к обороне. Практически ни одного крупного сражения ей уже выиграть не удалось.

Ко второй половине 1944 года японскому военному командованию стало ясно: имеющимися силами продвижение вперед по всем фронтам американцев и их союзников остановить не удастся. Они медленно, но верно приближались к Японским островам.

В этих условиях милитаристская пропаганда в небывалых размерах разжигала психоз и истерию, национализм и шовинизм. Неудачи объявлялись временными. Нацию призывали к сплочению вокруг императора, еще большему напряжению и реваншу. Фашистские идеологи, выступая перед народом, вещали, что никогда еще священная японская земля не была поработана врагом и что он никогда на нее не ступит. В противном же случае, вопили пропагандисты милитаризма и «духа Ямато», может повториться то, что делали на территории Японии монгольские завоеватели, высадившиеся на островах шесть столетий назад: они начнут прорезать руки японским женщинам, чтобы, подобно монголам XIII века, на веревках и цепях увести их в рабство, а черепа японцев американцы будут высылать своим невестам в качестве сувениров¹.

¹ В годы тихоокеанской войны среди американских матросов и морских пехотинцев появилось своеобразное поветрие — посылать на родину всякого рода «сувениры» из Азии и с островов Тихого океана. В числе таких подарков родным и близким были и отдельные части «поверженного врага», Американский

“КАМИКАДЗЕ”-

АПОФЕОЗ ФАНАТИЗМА

Тотальная религиозная обработка масс, проводившаяся в течение десятилетий, и особенно интенсивно во время войны, позволила всецело подчинить народ Японии интересам военщины. Всеми способами идеологи милитаризма и священнослужители синто пытались внушить людям, что пределом мечтаний любого верноподданного японца должна быть борьба за «божественного» императора до конца, чтобы своей смертью он мог «облегчить его сердце». Одурманивание народа милитаристской и религиозной пропагандой давало результаты. Подавляющее число японцев относилось к лозунгу «Умрем за императора» позитивно. Со слов японских военнопленных, многие из них в момент совершения «подвига» начинали ощущать себя «богами».

Однако военный крах прослеживался все отчетливее. «Страна богов» оказывалась перед угрозой оккупации иноземными войсками. И одних лозунгов стало уже недостаточно. Пропаганда должна была найти воплощение в реальных практических действиях. Требовались новые, в высшей мере эффективные методы ведения борьбы с сильным противником, с которым выдыхающаяся японская армия и флот не могли справиться, необходимо было «чудо», «помощь» национальных богов, как когда-то в прошлом. Япония снова нуждалась в «божественном урагане», который, как столетия назад, во время монгольского нашествия, смел и уничтожил бы неумолимо приближающегося с каждым днем и часом ненавистного врага. И здесь опять на сцену выходит «камикадзе» — «божественный ветер», но роль ветра уже начинают играть люди, отдающие жизнь за императора и становящиеся таким образом «богами».

Творцом отрядов смертников¹ — камикадзе, или, как их еще называли, «симпу» («тайфун») и «симпутай» («тайфун-команды»), был командующий 1-м воздушным

журнал «Лайф» за май 1944 года поместил на обложке изображение «подарка» одного американского моряка своей невесте — череп японца с дарственной надписью на нем. Во время грязной войны во Вьетнаме американская солдатия пошла по стопам «героев» боев на Тихом океане, посылая в Соединенные Штаты отрезанные и засушенные уши вьетнамцев.

¹ Отдельные отряды смертников использовались в боевых действиях японцами и ранее, до 1944 года. Саперы-смертники, например, участвовали в боях в Юго-Восточной Азии при операциях по захвату Сингапура. Японские летчики обрушивали свои машины на американские корабли в Тихом океане и т. д. Но тогда это были либо единичные факты, либо личное решение отдать свою жизнь во имя выполнения боевой задачи, а не доктрина, получившая реальное воплощение именно в конце войны.

флотом вице-адмирал Ониси Тацудзиро. Он первый предложил воплотить идею массового использования камикадзе в жизнь, являлся вдохновителем движения самоубийц. Японское командование при сложившихся обстоятельствах, когда страна не могла уже противостоять военной и экономической мощи США, видело единственный выход в самопожертвовании и всячески поддерживало эту идею. Относительно незначительными силами японских смертников планировалось нанести максимальный урон противнику, остановить его, разбить, вынудить к отступлению, оттянуть развязку, если это будет возможным, заставить США заключить перемирие или даже выиграть войну. Использование смертников, как это толковалось пропагандой, должно было показать превосходство силы духа японцев над американцами. Генерал Кавабэ Торасиро в одной из своих речей отмечал, что японцы до конца войны верили в возможность борьбы с американцами на равных «духом против техники». Такую особенность Кавабэ считал характерной для японцев. И при тех результатах, которых добилась религиозная и милитаристская пропаганда, толкнуть народ, особенно молодежь, на подвиг самопожертвования во имя живого бога — императора — не составляло особого труда. Формирование отрядов камикадзе стало реальностью и приобрело широкий размах.

В октябре 1944 года на Тихоокеанском театре военных действий началось последнее крупное морское сражение второй мировой войны — сражение за Филиппины. Главные события кампании развернулись около острова Лейте. Бой закончился полным поражением японского флота.

Утром 20 октября американцы предприняли высадку десанта на восточном побережье острова. Часть американского флота, обеспечивавшего высадку войск на остров, находилась в эти дни в районе пролива Суригао. 25 октября сигнальщики с кораблей доложили своим командирам о приближении японских самолетов. Несмотря на заградительный огонь корабельной артиллерии, несколько машин смогли приблизиться к кораблям. Самолеты, по рассказам многочисленных очевидцев боя, вели себя не так, как обычно. Они не стремились выбрать позицию, удобную для бомбометания или сброса торпед, как это было прежде, а шли, снижаясь, на сближение с кораблями. Под ударами ПВО часть японских самолетов упала в море, однако нескольким машинам удалось достичь цели и обрушиться на корабли. Над водой раз-

дались мощные взрывы. В этот день американцы потеряли в 40 милях к востоку от Суригао авианосец, а в 30 милях к северо-востоку — авианосец и крейсер. Еще один авианосец был подожжен и горел на плаву¹. Это была первая массированная атака специальных ударных отрядов камикадзе — японских летчиков-смертников, стартовавших с филиппинской базы Мабалакат. Групповая атака камикадзе поначалу вызвала у американцев шок, затем держала их долгое время в сильном нервном напряжении.

Налет камикадзе на оперативное соединение США у острова Лейте оказался в высшей степени эффективным. Американцы, не сталкивавшиеся с такого рода военными действиями, понесли при первой атаке смертников потери, не соизмеримые с таковыми у японцев, которых погибло всего несколько десятков человек. США же лишились трех крупных кораблей, экипажи которых в совокупности составляли несколько тысяч человек, было уничтожено большое количество самолетов авианосной авиации. Статистикой на счет камикадзе за финальный этап войны на Тихом океане отнесено около 80 процентов потерь американцев, но самое главное — моральное потрясение: американцы не были готовы к борьбе с камикадзе в психологическом отношении.

За первым успехом последовали другие — в заливе Лингаен, на острове Иводзима и т. д. Они еще больше воодушевили военную клику и обманутый ею народ. В связи с этим концепция «камикадзе», поддерживаемая могущественной системой пропаганды, становилась, в сущности, основным способом борьбы слабейших от регулярных и последовательных ударов армии и флота США японских сил.

В идеологическом отношении концепция «камикадзе» в общих чертах тесно смыкалась с кодексом самурайской чести бусидо времен феодализма. Однако, согласно традиционному бусидо, летчик поврежденного самолета или пилот, раненный в бою, как и воин средневековья, имел право в различных ситуациях действовать по обстоятельствам, то есть имел свободу выбора. Он мог вернуться на свою базу, попытаться посадить самолет на воду или землю или же атаковать корабль неприятеля, что считалось в войсках «истинным бусидо». Все эти действия зависели только от самого летчика, от его со-

¹ См.: Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг. М., 1973, с. 479.

вести война, но в традиционном бусидо не было традиции обязательного самоубийства. Вместе с тем сдача в плен не допускалась ни в коем случае. Об этом даже не могло быть и речи. И те лица, которые все-таки оказывались в плену у противника, переживали этот позор очень болезненно.

В конце войны кодекс бусидо подвергался изменению в соответствии с духом времени. Для победы японцам обязательно нужно было жертвовать собой. Поэтому летчик-камикадзе не мог вернуться назад или выбрать вариант действий. У пилота не оставалось никакой надежды на спасение — он должен был погибнуть. Не случайно в связи с этим баки самолетов камикадзе заправлялись для полета только в одну сторону, а летчик не имел парашюта. Нововведения, проникшие в самурайскую традицию в Японии военного времени, стали называть «модифицированным» или «деформированным» бусидо.

Неисполнение пилотом-камикадзе приказа считалось тягчайшим моральным преступлением и накладывало на человека печать несмываемого позора. Практически это было равносильно гибели — моральной или физической. Японец, нарушивший обет камикадзе, мог подвергнуться, часто вместе с семьей, репрессиям и наказанию со стороны властей или военного командования как непатриот или враг отечества. Такого человека сажали, как правило, в концентрационный лагерь. Он в обязательном порядке карался товарищами. Такой военнослужащий подвергался издевательствам и унижениям, его могли назвать человеком с «маленьким сердцем», или «маленьким животом», или же «человеком без живота», то есть малодушным, могли заставить без конца переписывать какой-либо указ императора, подвергнуть избиению или убить. За такого рода самосуд никого не стали бы осуждать.

Старший лейтенант Сугияма, наблюдавший молодых летчиков-камикадзе в период боевых действий по обороне острова Окинава (во время так называемой операции «Кикусуй»), отмечал, что ожидавшие своей очереди на вылет пилоты были молоды, полны сил, но имели бледные и нервные лица перед смертью. Они не могли отказаться от полета или бежать из военного лагеря, так как после этого были бы расценены как «хигакэнин» (по терминологии эпохи феодализма) — «неблагородные люди», вызывающие социальное отвращение, а родственники их были бы наказаны за малодушие и недостойный

воина поступок. Поэтому случаи неисполнения долга камикадзе были крайне редки и, как правило, обуславливались объективными обстоятельствами, не зависящими от воина.

В своем большинстве камикадзе были фанатично преданы императору и с радостью шли на выполнение задания, свято веря, что действительно станут божествами. Возможность стать богом была привлекательна не только в религиозном, но и в социально-психологическом плане. Даже солдат из очень бедной семьи — простолюдин — после смерти вставал в один ряд с представителями военной элиты, например адмиралом Ямамото Исороку¹. Храм Ясукуни уравнивал всех.

В годы второй мировой войны храм Ясукуни был особенно почитаем не только военными, воспитанными в «духе Ямато» и «духе Ясукуни», но и родителями солдат, погибших в боях. Родители павших считали Ясукуни самым священным храмом, храмом местообитания душ их сыновей и дочерей. Души ждут приглашения императора, говорили верующие, и когда возникнет война, они пойдут на нее вместе с живыми воинами. Это и есть «дух Ясукуни».

Среди камикадзе насаждался культ смерти, развившийся в Японии в среде самурайства многие века. Один японский пленный — военный медик — объяснял американцам, в чем отличие отношения к смерти японцев и европейцев. В то время как европейцы и американцы считают, что жизнь прекрасна, японцы думают о том, как хорошо умереть. Американцы, англичане или немцы, попав в плен, не расценят это как катастрофу, они постараются бежать из него, чтобы продолжить борьбу. Японец сочтет плен трусливым актом, так как для воина-самурая истинное мужество — знать время своей смерти. Смерть — это победа. Серьезно раненный солдат должен был убить себя. Таким рассуждениям была созвучна поговорка, прежде (в период Мэйдзи) входившая в свод правил «Солдат на поле боя»: «Долг тяжелее горы, смерть легче пуха». Это высказывание в

¹ Главнокомандующий японского военно-морского флота адмирал Ямамото Исороку погиб 18 апреля 1943 года. Его самолет был сбит американскими истребителями и сгорел в джунглях острова Бугенвиль (Соломоновы острова), когда адмирал направлялся с инспекционной поездкой из Рабаула на военно-воздушную базу Буин. Обгоревший труп Ямамото Исороку вместе с его самурайским мечом с высшими военными почестями был доставлен в Токио, где состоялась пышная церемония похорон.

годы войны на Тихом океане было очень популярно среди солдат и расценивалось как выражение верности императору и готовность защищать его.

Этнические традиции и пропагандистская деятельность действительно обусловили у японцев совершенно иной подход к вопросам жизни и смерти, чем у европейцев. Добровольцев умереть в отрядах камикадзе было очень много. И понять мотивы, по которым японцы шли на самопожертвование, по их же словам, европейцу было трудно. После войны один из офицеров штаба части, принимавшей участие в первых атаках смертников, так объяснил мотивы, которыми руководствовались летчики-камикадзе: «Наши чувства можно было выразить следующим образом: мы должны отдать свою жизнь за императора и отечество. Это наше врожденное чувство. Я боюсь, что вы этого не поймете или назовете безрассудством. Мы, японцы, строим нашу жизнь на покорности императору и верности отечеству. С другой стороны, после смерти мы хотим лучшего места в потустороннем мире, как того требует бусидо. Камикадзе является для нас воплощением этих чувств»¹.

Идеи милитаристской и религиозной пропаганды, внушенные людям, были настолько сильны, что и сейчас, по прошествии четырех десятилетий с момента окончания войны на Тихом океане, некоторые из бывших камикадзе, не успевшие погибнуть за императора в связи с прекращением боевых действий, сожалеют об этом. Они считают, что жертвы, принесенные смертниками, были прекрасным примером для народа, как нужно отдавать свою жизнь за императора, что именно самопожертвование спасло честь Японии и ее величие. Другие же, как, например, сотрудник Ассоциации японских писателей Такано Акира, думают иначе. На одной из встреч в Токио с ленинградским писателем Юрием Тавровским, написавшим книгу о детях блокадного Ленинграда, он с болью рассказал: «В сорок пятом году мы, шестеро одноклассников, пошли добровольцами в военно-воздушные силы Японии. Мы еще в школе посещали курсы авиапилотов. И стали людьми-торпедами... Пятеро моих друзей улетели в свой первый и последний полет. Погибли, так и не долетев до целей. Готовился к полету и я, но, к счастью, война окончилась».

Как уже отмечалось, в отряды камикадзе, как правило, призывались молодые люди, которые с большей лег-

¹ Николс Ч., Шоу Г. Захват Окинавы, М., 1959, с. 122.

костью поддавались пропаганде, им легче было внушить «героическую» идею. Средний возраст смертников, погибших в годы войны, не превышал 22 лет.

Камикадзе отличались от других военнослужащих императорской армии своим поведением, особыми ритуалами перед отправкой на задание, их смерть считалась особенной и «красивой». Многие из молодых самоубийц, сознавая свое положение, писали перед смертью грустные прощальные стихотворения. В дневнике одного из летчиков сохранилась такая запись: «Я каждый день стираю, потому что очень не хочу умирать в грязном белье и костюме». Далее помещался стих:

Я хочу умереть
подобно опадающим весной цветам.
Потому что я —
цветок сакуры Японии.

Такого рода стихи были связаны с японскими представлениями о существовании человека. Особенно часто смерть камикадзе сравнивалась с красотой и недолговечностью цветов японской бесплодной вишни сакуры, которая посажена в большом количестве именно на территории, принадлежащей храму Ясукуни. Она считалась символом смерти. «Погибнуть подобно опадающим лепесткам сакуры» — это изречение во время войны в армии и на флоте получило широкое распространение. В одной из популярных песен военных лет были такие строки:

Я и вы — одно дерево (студенты одного курса),
Это дерево расцветает в саду военной академии.
А раз сакура расцветает, то она обязательно опадет.
Мы, студенты, — лепестки сакуры — это хорошо знаем
и готовы опадеть.
Но если суждено лепесткам опадеть,
мы хотим опадать (для страны) хорошо.

Подобные песни часто звучали в Ясукуни дзиндзя на милитаристских митингах.

Камикадзе писали стихи не только в своих дневниках и прощальных письмах. На «хатимаки» (наголовная повязка) одного из смертников, улетавшего на последнее задание, специальный корреспондент одной военной газеты, впоследствии писатель Анава Хироюки, прочел:

Я лечу на небо,
к вершинам облаков.
Это — моя могила.

Эстетика смерти тесно соприкасалась не только с синто, но также и с буддийским верованием. Большое

распространение получил буддийский принцип «мудзё-кан», который подчеркивал, что все на свете преходяще, эфемерно и временно, и поэтому цепляться за жизнь не следует.

Вылет камикадзе обставлялся чрезвычайно торжественно. Поверх летного шлема смертники обязательно повязывали «хатимаки» с изречениями, надписями («синпутай» — «команда камикадзе») или изображением солнца — герба империи. Наголовная повязка, как и у средневековых самураев, символизировала такое состояние, при котором человек был готов перейти от обыденности к священности, и повязывание ее являлось как бы предпосылкой вдохновения воина и обретения им храбрости. На церемонии, предшествующей вылету, происходило прощание, во время которого каждый смертник обязательно выпивал чашечку сакэ или воды — «мидзусакадзуки», как это делали прежде самураи перед боем при расставании (возможно, вечном) с родными. Летчик как бы участвовал при собственных похоронах, после чего садился в украшенную цветами кабину своего самолета. Перед вылетом пилоты говорили друг другу и оставшимся на аэродроме другим камикадзе: «До встречи в храме Ясукуни».

На цель, по правилам камикадзе, следовало идти с открытыми глазами, не закрывая их до самого последнего мгновения. Смерть должна была восприниматься без каких-либо эмоций, спокойно и «тихо», с улыбкой, согласно средневековым традициям феодального воинства. Такое отношение к собственной кончине считалось идеалом воина.

Первые удачи атак камикадзе воодушевили высшее командование и военные круги императорской Японии. В связи с этим начали совершенствоваться уже имевшиеся средства уничтожения противника с помощью самоубийц, создавались новые виды камикадзе под общим названием «токко».

Основной упор делался на военно-воздушные силы. Для атак камикадзе использовались военные самолеты различных типов, в основном истребители, штурмовики и бомбардировщики морской авианосной авиации и сухопутного базирования, а также самолеты-разведчики и тренировочные машины. Экипаж истребителей состоял из одного-двух летчиков, экипажи штурмовиков и бомбардировщиков — из двух—восьми пилотов. В зависимости от типа самолета боевые машины снабжались авнабомбами от 60 до 500 килограммов или морскими

торпедами весом до 800 килограммов. Самолеты, управляемые камикадзе, атаковали в основном крупные неприятельские корабли, чаще всего авианосцы, крейсера, танкеры, а также наземные цели — аэродромы, военные базы, населенные пункты, таранили американские бомбардировщики в небе Японии.

Особо следует остановиться на реактивном самолете-снаряде, или ракете камикадзе, получившей название «Ока» — «оппадающие лепестки вишни» (символическое обозначение смерти). Под «Ока» подразумевались цветы горной сакуры — очень красивые и в то же время недолговечные, лепестки которой опадают от слабого дуновения ветра. «Ока» относился к разряду так называемых «человеко-бомб» («нингэн-бакудан»). Этот самолет был создан в Японии по лицензии немецкой фирмы «Мессершмитт». В разработке и создании первых опытных образцов «Ока» принимали участие сотрудники Токійского императорского университета. «Человеко-бомбы» запускались со средних бомбардировщиков типа «Гинга» («Млечный Путь») или из прибрежных пещер с катапульт. «Ока» представлял собой агрегат весом в 560 килограммов с дальностью полета 24 километра и управлялся сидящим в нем смертником. Этот самолет-снаряд неся к цели с большой по тем временам скоростью, равнявшейся почти 1000 километров в час. Реактивные снаряды такого типа держали американских военнослужащих в постоянном напряжении, так как бороться с ними из-за большой скорости движения было очень трудно. Другим вариантом реактивного оружия смертников был летательный аппарат, названный японцами «Сюсуй», являвшийся также немецкой моделью самолета-снаряда. Слово «Сюсуй» имело два основных символических значения: «осенняя прозрачная вода» и «острый клинок». Разработки этого вида оружия велись в Японии с лихорадочной поспешностью, однако массового применения в боевых действиях ракеты, особенно типа «Сюсуй», не получили в связи с трудностями их поточного производства и неотработанной технологией.

Особую категорию смертников составляли специальные подразделения военно-морского флота. К их числу относились так называемые «суйдзё токкотай» («надводные силы камикадзе») и «суйтю токкотай» («подводные силы камикадзе»).

Надводные отряды были оснащены скоростными катерами, начиненными взрывчаткой. Символическое обозначение одного из типов таких катеров — «Синъё» («со-

трясение океана»). Отсюда название групп катерников-самоубийц — «сингё токкотай». «Сингё» изготавливались из дерева, снабжались шестицилиндровым мотором в 67 лошадиных сил, позволявшим развивать скорость до 18 узлов. Дальность действия таких катеров составляла около 250 километров. Они оснащались либо 120-килограммовой бомбой, либо глубинной бомбой в 300 килограммов, либо ракетами. Атаки камикадзе-катерников были в большинстве случаев эффективны, и американцы их очень боялись.

Подводные средства ведения борьбы с кораблями неприятеля силами камикадзе — это печально известные «человеко-торпеды» («пингэн-гёрай»), подводные лодки-малютки и «человеко-мины».

Торпеды, управляемые находящимися в них смертниками, символически обозначались как «Кайтэн» («поворот к небу», или «восстановление сил после их упадка»). Другое их название — «Конготай» («группы Конго» — по названию горы Конго, на которой жил герой японского средневековья Масасигэ Кусуноки). «Человеко-торпеды», кроме того, еще назывались «кикусуйтай», от «кикусуй» — «хризантема на воде»¹. Японцы разработали две основные модификации торпед, управляемых людьми. В торпедо размещался один военнослужащий. В носовой части концентрировалось большое количество взрывчатого вещества, наносившего при взрыве боевым кораблям американцев и их союзников страшные повреждения, которые приводили обычно к гибели этих судов. Движение «Кайтэн» со скоростью 28,5 мили² в час и наведение их на цель человеком чрезвычайно осложняли борьбу с этим видом оружия. Естественно, что атаки «Кайтэн»³ были во много раз действеннее обычных торпедных атак. В общей сложности торпедами «Кайтэн» с начала их применения 27 апреля 1945 года и до конца войны было потоплено четырнадцать американских кораблей, среди которых были и авианосцы. Массированные атаки «Кайтэн», так же как и других смертников, вызывали сильное нервное напряжение личного состава военно-морского флота американцев.

Подводные лодки-малютки с камикадзе японцы на-

¹ В Японии хризантема считается цветком императора и является его гербом.

² Морская миля — 1852 метра.

³ Первые эксперименты с «Кайтэн» (опытные пуски) японцы провели почти на год раньше их боевого использования — 25 июля 1944 года.

зывали «Корю» («дракон») и «Кайрю» («морской дракон»). Маленькие магнитные подводные лодки обозначались термином «Синкай». Дальность их действия не превышала обычно 1000 миль. Эти лодки имели скорость 16 узлов и управлялись, как правило, двумя смертниками. Карликовые подводные лодки, в частности «Кайрю», предназначались либо для торпедных атак, либо для подводного тарана.

Большую опасность для флота американцев и их союзников представляли также «Фукурю» («драконы подводного грота») — «человеко-мины», то есть водолазы с минами. Скрытно под водой они подбирались к днищу боевых кораблей или вспомогательных судов и подрывали их вместе с собой переносными минами.

Кроме авиационных и морских отрядов камикадзе японцы сформировали различные подразделения смертников в парашютно-десантных и сухопутных войсках — истребителей танков и пехоты противника, саперов и т. д.

В Японии военных лет большую известность получила, например, команда парашютистов «гирэцу кутэбу-тай». Японцы сбросили парашютный десант, состоящий из военнослужащих этой команды, на один из американских аэродромов. Десантники, обвязанные пакетами с взрывчаткой, вместе с собой уничтожили семь самолетов и сожгли 60 тысяч галлонов бензина¹. В этом бою погибло 112 солдат-самоубийц.

На особом счету в японской армии была пехота и ее так называемые «бандзай-атаки», которые приравнивались к боевым действиям камикадзе. В Японии пехотная атака была идеалом любого наступательного боя еще со времен средневековья. В эпоху феодальных войн самураи предпочитали именно рукопашный бой, который в полной мере раскрывал умение воина владеть мечом.

В принципе, как камикадзе, могло действовать любое подразделение (по приказу или по собственной инициативе, добровольно), оказавшееся в каком-либо затруднительном положении, например в окружении. На острове Окинава, в частности, в число камикадзе попали и медицинские сестры, непосредственно участвовавшие в боях. Одна из таких групп, называвшаяся «химэю-рибутай» («команда девушек-лилий»), состояла из медицинских служащих двенадцати—шестнадцати лет. Большинство их погибло.

Мужество и фанатичное самопожертвование ради

¹ Один галлон равен примерно 4,5 литра.

«божественного» императора и «священной Японии» сотен и тысяч воинов-смертников, обманутых религиозной и милитаристской пропагандой, в конце концов оказывались бессильными против военной машины Соединенных Штатов. Ресурсы Японии истощались. Она с каждым месяцем утрачивала свои позиции в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане и соответственно источники сырья для военной промышленности. Вследствие этих причин Япония просто не в состоянии была обеспечить даже отряды камикадзе необходимой техникой. Резервы японцев таяли.

Авиация и флот США, несмотря на потери, напротив, быстро восполняли утраченное и вводили в строй поврежденное. К тому же американцы постепенно начали приспосабливаться к новой тактике ведения войны, находя эффективные способы борьбы с камикадзе. В каждой массированной атаке камикадзе японцы теряли 50, 100, 150 и более самолетов, в зависимости от масштабов сражения. Гибли опытные летчики. Пополнение штурмовых отрядов особого назначения осуществлялось за счет молодых пилотов, не получивших достаточной подготовки, которых сажали на самолеты устаревших конструкций, с плохими тактико-техническими данными. Некоторые боевые машины камикадзе не были снабжены даже элементарными навигационными приборами. Летчикам при отыскании цели предписывалось ориентироваться по визуальным ориентирам, например просто по цепи островов и т. п.

Многие самолеты были изготовлены из фанеры и не имели броневой защиты. При первом же попадании они вспыхивали подобно факелам. Американцы называли такие машины «зажигалками». В частности, в боях за Окинаву большинство самолетов камикадзе было старых моделей, и поэтому совершенно справедливо один из японских военнослужащих называл их «бумажными игрушками». Смертники, управлявшие такими самолетами, гибли, как правило, не долетев до цели под ударами ПВО американцев. Молодые камикадзе не имели навыков ведения воздушного боя, что, в общем, им и не нужно было, и не могли оказать должного сопротивления асам американской авиации. Камикадзе учили только правильно умирать: в ясную погоду предписывалось пикировать на палубу неприятельского корабля вертикально вниз, ночью и при плохой видимости поражать корабль противника в борт на бреющем полете. По официальной статистике, к концу войны только в морской

авиации и флоте потери камикадзе составили 2525 человек.

Подавляющее число смертников составляла молодежь. Молодые люди легче поддавались шовинистической пропаганде и подхватывали националистические и монархические лозунги. Этим преступно пользовалась японская военщина. Когда в начале 1945 года положение на фронтах ухудшилось, в Японии был издан указ о призыве в действующую армию лиц, достигших семнадцатилетнего возраста. В дальнейшем милитаристские круги и японское командование рассчитывали вовлечь в вооруженную борьбу всех японцев, независимо от пола и возраста. «Война принимала затяжной характер,— пишет в своей книге «Путь богов» Г. Е. Светлов. — Успехи Японии на первом ее этапе сменились тяжелыми поражениями. Все больше урн с прахом погибших солдат и офицеров японской армии прибывало на родину с полей сражений. Теперь уже зловещий механизм святилища Ясукуни работал бесперебойно: практически каждую ночь устраивались церемонии встречи «новых богов», пополнявших своими именами список жертв кровавой авантюры японского империализма, хранившийся в святой святынь Ясукуни дзиндзя в качестве его синтай. Жизнь народа становилась все тяжелее, его страдания еще более усилились, когда с осени 1944 года территория Японии стала подвергаться регулярным бомбардировкам американской авиации»¹.

Новые поражения вели к отчаянным и часто необоснованным действиям, к новым смертям камикадзе. Все это, правда, обставлялось как истинное проявление «японского духа» и как самопожертвование ради «божественного» императора. Такой акцией стал поход одного из крупнейших линейных кораблей мира, флагмана Объединенного императорского флота, своеобразного символа японского милитаризма линкора «Ямато» к острову Окинава. Цель похода — выручить гарнизон острова, уничтожить американские силы, действующие в этом районе. «Ямато» и корабли сопровождения должны были обстрелять места высадки десанта и якорные стоянки американцев, а также отвлечь воздушный заслон на себя с целью облегчения действий камикадзе, которые стремились не допустить десантирования на Окинаву. Этот поход в армии и флоте справедливо приравнивали к атаке камикадзе, команду же корабля называли «командой смертников».

¹ Светлов Г. Е. Путь богов, с. 173.

Операция изначально была обречена на провал. Шансов на то, что соединение дойдет до места назначения, почти не было, — «Ямато» и группа кораблей шли без прикрытия с воздуха: даже для этого небольшого соединения с большим трудом удалось собрать по складам необходимое количество горючего. Остальные корабли группы не смогли выйти в море из-за отсутствия топлива. Командующий 1-м диверсионным ударным соединением вице-адмирал Ито Сэйити считал, что использование «Ямато» и кораблей соединения у Окинавы бесполезно и не принесет никакого результата, кроме бессмысленной гибели части флота и личного состава. Однако командование штаба флота под предлогом того, что император требует посылки «Ямато» на Окинаву, все-таки настояло на отправке группы к архипелагу Рюкю. Перед выходом в море с кораблей были списаны все матросы старше 40 лет — борьба с врагом была поручена молодым. В числе команды было даже трое пятнадцатилетних юношей (Такахаси Минору, Оно Кадзуо и Миякава Сатоси), которых включили в список офицеры, готовившие экипаж к походу.

6 апреля 1945 года линейный корабль «Ямато» вышел из Внутреннего Японского моря по направлению к Окинаве в сопровождении легкого крейсера «Яхаги» и восьми эскадренных миноносцев. Личный состав кораблей понимал, на что он идет.

Трагедия разыгралась 7 апреля. Утром корабли японцев были атакованы авиацией. Огромная огневая мощь «Ямато» (одним из выстрелов его орудий главного калибра по группе американских самолетов было сбито сразу шесть машин¹) оказалась бесполезной. Американцы атаковали японцев несколькими волнами по 100—150 самолетов в каждой. В «Ямато» попало пять бомб и десять торпед, в результате чего он перевернулся, взорвался и, разломившись надвое, затонул. Пламя от взрыва взметнулось, по словам очевидцев, на два километра, дым — на высоту шести километров. Вместе с кораблем на дно ушли 2498 человек экипажа линкора. Были потоплены и другие корабли японцев — на базу из десяти вернулось лишь четыре.

Неоправданная смерть людей, трудности и лишения, а также бесперспективность войны вообще, несмотря на всеобщую покорность японцев императору и правитель-

¹ Один снаряд орудий главного калибра «Ямато» весил одну тонну.

ству, все-таки рождали в народе скрытое недовольство. Даже в условиях шовинистической истерии были случаи осуждения практики камикадзе и войны. Знаменитый японский писатель, впоследствии лауреат Нобелевской премии в области литературы, Кавабата Ясунари, например, посетив военно-воздушную базу смертников, отозвался об атаках камикадзе перед начальством в высшей степени положительно, однако летному составу он высказал прямо противоположное мнение. Недовольство тактикой камикадзе иногда переходило в открытый протест. Так, один из японских летчиков решился на атаку своей базы.

«Глядя на фото смертников — камикадзе, совсем молодых парней, многие из которых выглядят почти детьми, — пишет Г. Е. Светлов, — невольно думаешь: какое же чудовищное преступление было совершено, какую ответственность перед судом истории, перед своим народом должны нести люди, которые отравили души своих соотечественников ядом шовинизма, убеждения в собственной исключительности и «великой миссии японской нации», что те жертвовали своими жизнями, не подозревая, что умирают ради низменных своекорыстных интересов монополий и честолюбивых амбиций военной клики.

Это преступление совершалось на протяжении почти восьми десятилетий. И главным орудием его был навязывавшийся народу комплекс идей и представлений, известных теперь под названием „государственный синто“¹.

¹ Светлов Г. Е. Путь богов, с. 175.

Превосходство Соединенных Штатов в техническом отношении и перевес в живой силе, создаваемый в районах основных военных операций, сводили на нет все усилия императорского флота и армии по обороне стратегически важных территорий и морских путей. Американцы один за другим занимали острова. Теперь уже и камикадзе, которые массами гибли в сражениях, не оправдывали надежд, возлагавшихся на них первоначально командованием вооруженных сил Японии. Положение было не спасти.

Тем не менее правящие круги и высшие начальники вооруженных сил империи сожалели, что слишком поздно стали использовать камикадзе, а милитаристская пропаганда продолжала призывать в ряды смертников все новых и новых добровольцев, с тем чтобы «исполнить священную волю императора». При этом, как и прежде, в широких масштабах осуществлялся обман народа. С помощью шумной пропагандистской кампании японцам внушалась мысль: враги, то есть американцы, англичане, австралийцы и другие, хотят уничтожить японскую нацию. В связи с этим народ должен сопротивляться до последней капли крови. Военщина Японии в припадке шовинизма готова была пойти на безумие — уничтожение нации, призывая в ряды самоубийц весь японский народ. Свидетельством этого является один из многих

ВОЕННЫЙ КРАХ "СТРАНЫ, СОЗДАННОЙ БОЖЕСТВАМИ"

фанатичных лозунгов японских фашистов: «Итнoku гёкусай» — «Сто миллионов погибают славной смертью». В этом лозунге сознательно и с определенной целью была использована символика древности. «Гёку» означало «драгоценность» (яшма), «сай» — «разбиваться». Буквально это значило: «лучше разбиться будучи яшмой, чем остаться, став черепицей», то есть «славная смерть лучше жалкого существования».

На первый взгляд такой призыв к самопожертвованию, пренебрежение страданиями, гибелью миллионов простых японцев и, самое страшное, готовность очень многих умереть кажутся чудовищным результатом именно японской националистической, шовинистической пропаганды. Это действительно так. Вместе с тем за японской подоплекой этого явления скрываются особенности, типичные для идеологии фашистских государств вообще. И в гитлеровской Германии, и в милитаристской Японии населению вдальблывалась в головы идея национальной исключительности немцев и японцев. А раз так, значит, им должно подчиняться все остальное население Европы и Азии. В чем же, по мнению фашистских идеологов, состоит «исключительность» этих народов? Согласно мифам, в Японии — «божественной» стране древней культуры — священные личности начали править уже два тысячелетия назад. Не случайно в связи с этим представитель прусского реакционного дворянства рейхсканцлер Германской империи О. Бисмарк проявлял в свое время большой интерес к японской мифологии, и так же не случайна идея «тысячелетнего рейха», усиленно проповедовавшаяся в фашистском государстве.

Властвовать над «варварами» и «недочеловеками» избранные империи могли только после захвата мира и подчинения всех «низших» народов с помощью военной силы. Грандиозные планы нашли свое воплощение в империалистических захватнических войнах. И в этом европейские и азиатские фашисты были похожи друг на друга. Вероломство и стремление молниеносного проведения войны были типичны и для немцев, и для японцев. Удивительно похожи также действия фашистских правящих кругов при провале военных авантур в общенациональном масштабе. Виновники кровавых боен, чувствуя приближение расплаты за содеянное, стремились утащить за собой в могилу как можно больше людей. В конце войны Гитлер заявил, что народ, проигравший войну, не имеет права на существование. Японские милитари-

сты, вторя своим германским «коллегам», выдвинули лозунг «Итиоку гёкусай».

Японцы, как и немцы, до последних дней войны надеялись, кроме всего прочего, еще и на сверхоружие, с помощью которого можно было бы изменить ход войны. Таким оружием должна была стать атомная бомба. Лихорадочная и поспешная разработка этого оружия массового поражения не останавливалась ни днем ни ночью. Нетрудно себе представить, как бы распорядились атомным оружием авторы лозунга «Итиоку гёкусай»...

Кроме атомного военная верхушка вела разработку другого варварского вида оружия — бактериологического. Причем испытания проводились на живых людях. В Харбине действовал так называемый «отряд № 731» — бактериологическое подразделение императорской армии, которое возглавлял генерал Исии Сиро. И неизвестно, как бы применила японская военщина это изощренное оружие на Азиатском континенте или в другой части земного шара, если бы война продолжалась дальше.

Пользуясь тем, что многие японцы были отравлены идеологией фашизма, крайнего национализма и милитаризма, синтоистскими догмами о превращении павших героев в богов, руководители Японии решили перенести идеи самопожертвования на мирное население страны.

В широких масштабах такая практика начала осуществляться уже во второй половине июня 1944 года, во время боев за Марианские острова, когда американцы направили свой главный удар на Сайпан. Стратегическое значение острова с его аэродромом было исключительно. Он являлся промежуточной перевалочной базой на пути от империи к Филиппинам, Формозе и любому другому острову в западной части Тихого океана. Потеря Сайпана, как и Марианских островов, означала прорыв во внутреннем кольце обороны на Тихоокеанском театре военных действий. Американцы тогда получили бы возможность бомбить Токио не только с помощью самолетов, находящихся на авианосцах. Боевые машины смогли бы подниматься в воздух и с наземного аэродрома. Поэтому бои за Сайпан отличались чрезвычайной напряженностью.

Соппротивление японцев было упорнейшим. В специальные контратаки («бандзай-атаки») ходили даже раненные из полевых госпиталей. Толпы искалеченных, забинтованных и хромых японских солдат, размахивая боевыми знаменами и самурайскими мечами, бросались

на врага и гибели под плотным ружейно-пулеметным огнем. После двухнедельных боев японский гарнизон острова практически прекратил свое существование. Адмирал Нагумо Тюнти отдал защитникам Сайпана последний приказ, в котором говорилось: «Мы хорошо боролись, но небо не спасло нас, и поэтому пришло время умереть». В конце приказа адмирал предписал после последней «бандзай-атаки» всем оставшимся в живых военнослужащим и гражданским лицам совершить самоубийство.

Гражданское население, которому надлежало погибнуть вместе с солдатами императорской армии, согласно указаниям из Токио, уравнивалось в «духовном» отношении с военными. Другими словами, гражданские лица, как и воины, павшие за императора, становились «божествами», души которых попадали в храм Ясукуни.

Настал последний день обороны Сайпана. Остатки гарнизона и более тысячи мирных жителей — стариков, женщин, детей — собрались на северной оконечности острова. Мужчины и женщины совершили церемонию омовения в море, поменяли белье, помолились, затем поднялись на утесы и, стоя лицом к Японии, начали прыгать вместе с детьми с высокого берега мыса Маппи на скалы. Медливших солдаты подталкивали штыками. Раненым, которые не могли самостоятельно передвигаться, медики раздавали цианистый калий. Некоторые солдаты, обнявшись по двое, по трое, взрывали себя гранатами. Часть японцев погибла в последней рукопашной схватке с десантными войсками американцев. Те, кто стоял у власти, достигли своих страшных целей. Обманутый народ, отстаивая чуждые ему интересы империализма, встал на путь самоуничтожения.

После сдачи Сайпана советник императора писал: «Почти вся Япония почувствовала, что война проиграна. Остается последнее — совершить массовые самоубийства для императора». Высшим должностным лицам вторила шовинистическая пропаганда. Газеты и радио кричали: «Даже дети понимают, что смерть лучше капитуляции и что американцы будут вести себя так же, как монголы столетия назад».

Трагедия, произошедшая на Сайпане, вскоре повторилась и в других районах. Пример этому — события на острове Иводзима, входящем в архипелаг Нанпо. В результате упорнейших боев здесь, как и на Сайпане, погибли почти все гражданское японское население и поч-

ти весь гарнизон. Американцы планировали быстро захватить остров с его тремя аэродромами, необходимыми бомбардировочной авиации в качестве перевалочной базы. Японское командование со своей стороны, хотя и не предусматривало широкомасштабных операций по обороне острова, решило удержать его, не считаясь с большими потерями, ибо, захватив аэродромы, противник получал возможность атаковать жизненно важные центры, расположенные на самих Японских островах. Предполагалось оборонять остров силами местного гарнизона, общая численность которого составляла около 23 тысяч человек, с помощью авиационных отрядов камикадзе и управляемых торпед («Кайтэн»).

Высадка десанта 19 февраля 1945 года на Иводзиму «ознаменовала собой начало самого ожесточенного и кровопролитного сражения сухопутных сил на Тихом океане»¹. Отчаянное сопротивление японцев длилось около месяца, и фанатизм оборонявшихся был беспределен. Чтобы подавить 23-тысячный гарнизон, американцы вынуждены были высадить на остров силы, почти в пять раз превышающие японские, — свыше 110 тысяч человек. Американцы имели 40-кратное превосходство в авиации. Против японцев действовало более 600 надводных кораблей, в их числе — 28 авианосцев различных типов². В ходе боев за остров американцы потеряли убитыми, пропавшими без вести и ранеными примерно 21 тысячу человек. Потери японцев (по американским данным) составляли также 21 тысячу человек. В плен было взято лишь 212 японцев, в основном раненых и изувеченных³.

1 апреля 1945 года американцы предприняли операцию по захвату острова Окинава. Когда стало окончательно ясно, что сражение проиграно, японские солдаты начали уничтожать мирное население. Было убито много рюкюсцев, коренных жителей острова, представлявших национальное меньшинство Японии, отличное от японцев по антропологическому типу и культуре⁴. В основ-

¹ Кампании войны на Тихом океане, с. 408.

² См.: Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг., с. 505.

³ См.: Кампании войны на Тихом океане, с. 412.

⁴ Известны злодеяния японских милитаристов по отношению к жителям оккупированных территорий и военнопленным. Массовые убийства неамериканцев сопровождались исключительными зверствами, что было особо отмечено во время работы Международного трибунала над военными преступниками в январе 1946 года в Токио. На оккупированных японцами территориях проводилась политика геноцида. Огромное количество цевинных людей было

ном жертвами японской солдатни были люди, отказавшиеся от самоубийства, которого от них требовало командование императорской армии. Вслед за уничтожением мирных жителей начались самоубийства высших военных, офицерского состава.

Фанатизм, с которым японцы боролись за каждый клочок земли во время боев на островах Тихого океана, особенно на Сайпане, Иводзиме и Окинаве, был предвестником того, с чем придется встретиться американцам при вторжении на собственно Японские острова. Боевой дух кадровой армии и флота, несмотря на военные неудачи, был еще высок. Наиболее надежными являлись, конечно, офицерская часть войск и рядовой состав в возрасте до 30 лет — военнослужащие, которые в большей мере испытали на себе идеологическое воздействие милитаристской пропаганды. Большинство населения также было солидарно с императором и правящими кругами вследствие подавления всяких свобод и прочих «мероприятий» в тоталитарном фашистском государстве.

Однако начиная со второй половины 1944 года все большее количество японцев, особенно из среды рабочих и интеллигенции, начинало осознавать, что собой в действительности представляет «великая восточноазиатская война». Были даже случаи агитации за прекращение войны.

В ночь с 9 на 10 марта 1945 года американская авиация предприняла налет на Токио¹, а 6 и 9 августа были сброшены атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, унесшие сотни тысяч человеческих жизней. Гибель родных и близких в тылу доводила фанатизм солдат на фронте до иступления.

Мощь Японии была подорвана, однако она располагала еще значительными силами. В стране спешно шла мобилизация всех, кто мог носить оружие. На основании

уничтожено японской военщиной в Китае, Юго-Восточной Азии, на островных территориях Тихого океана. Если верить данным статистики, то в странах, которые Япония успела объединить под своей «крышей» по принципу «хакко итиу», от рук японцев в период с 1931 по 1945 год погибло около 20 миллионов человек, включая военнопленных и мирное население.

¹ Ночью 10 марта 1945 года американская стратегическая авиация подвергла бомбардировке густонаселенные районы Токио, используя в основном зажигательные бомбы. В результате этой операции сгорела почти четвертая часть жилых построек столицы Японии. В огне пожаров погибло более 100 тысяч мирных жителей.

«Закона о добровольной военной службе» в армию призывались мужчины в возрасте от 15 до 60 лет и женщины от 17 до 40 лет. К августу 1945 года в результате тотальной мобилизации общая численность японских вооруженных сил составляла 7,2 миллиона человек¹. Из них за пределами собственно Японии находилось 3,5 миллиона. На границе с СССР, в Маньчжурии, размещалась миллионная Квантунская армия, приблизительно столько же было в Китае и около миллиона в Юго-Восточной Азии и Индонезии. Примеры с островами Сайпан, Иводзима и Окинава показывали, что будущее не сулило американцам ничего хорошего. На Японских островах их ждала кровопролитная и длительная война.

С вступлением в августе 1945 года в войну СССР, верного своему союзническому долгу, рухнули последние надежды правительства Японии на более или менее благополучный исход военных кампаний в Восточной Азии. Советской армии, закаленной в сражениях Великой Отечественной войны, разгромившей германский фашизм, понадобилось чуть больше двух недель, для того чтобы полностью сломить сопротивление противника. Советские войска тремя мощными ударами прорвали оборону Квантунской армии в Маньчжурии и начали быстрое и успешное наступление в глубь оккупированной японцами китайской территории. Ряд руководителей Японии разумно оценили ситуацию и поняли полную бессмысленность дальнейшего ведения войны, другие же, особенно военные, стояли за ее продолжение до «победного конца».

В стране полным ходом проводилась оголтелая пропагандистская кампания по набору 20 миллионов смертников. И даже тогда, когда трезвый взгляд на положение вещей все-таки взял верх и 10 августа 1945 года радиостанции Японии сообщили, что империя принимает Потсдамскую декларацию при условии сохранения «национального государственного строя», то есть прерогатив императора в правлении страной, главное командование войск в Китае и Южного фронта стремилось любой ценой разрешить все трудности военным путем. В срочной и совершенно секретной телеграмме от 12 августа главнокомандующего японскими экспедиционными войсками в Китае генерала Окамура военному министру и начальнику генерального штаба говорилось:

«Тяжело переживаем создавшуюся угрозу государ-

¹ См.: Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг., с. 582.

ственному строю и территории империи. Понимаем, что вступление в войну Советского Союза еще более ухудшило положение. Однако, имея на территории собственно Японии армию до 7 млн. человек и экспедиционную армию на материке до 1 млн. человек, боевой дух которых по-прежнему высок, готовы к решительному разгрому противника. Именно теперь сухопутная армия стала главной опорой империи. Твердо уверены, что, несмотря на успешное наступление противника и трудности внутри страны, вся армия готова с честью погибнуть в бою, но добиться достижения целей войны этой осенью.

Судьба императорской Японии решается в Маньчжурии. Будучи горячо преданным родине, осмеливаюсь доложить свое мнение и надеюсь, что будут приняты твердые решения»¹.

В таком же ключе была составлена телеграмма главнокомандующего Южным фронтом генерала Тэраути: «Сейчас, когда рухнули наши надежды одержать победу в этой священной войне и когда стоит вопрос о том, следует ли нам подчиниться условиям, выдвинутым противником, мы озабочены тем, как защитить нашу систему государства и целостность нашей территории. Кто нам гарантирует сохранность нашего государства и территории? Южный фронт в соответствии с телеграммой № 61 считает необходимым дать отрицательный ответ на предложения противника и, мобилизовав все силы народа, решительно продолжать священную войну»². Аналогичного содержания телеграммы поступили в ставку и от командующих всеми другими фронтами.

Религия в это трудное для Японии время послушно исполняла то, что от нее требовало фашистское государство. Период победоносного ведения войны в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане был периодом расцвета государственного синто. Духовенство не уставало повторять, что победа японского оружия закономерна. Когда же над империей нависло поражение, когда в храме Ясукуни каждую ночь совершались заупокойные службы по массам погибших солдат, священнослужители начали призывать народ неустанно молиться за победу, верить в нее, каждую минуту ждать изменений в военной обстановке и поворота событий, потому что проигрыш «страны богов» просто невозможен. До последней минуты существования милитаристского государства син-

¹ Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг., с. 573.

² Там же, с. 573—574.

тоизм оставался ему верным слугой, отправляя на гибель все новые и новые тысячи японцев.

14 августа 1945 года было объявлено о решении императора прекратить войну и капитулировать, поскольку этот путь был признан единственным, чтобы обеспечить сохранность государства и облегчить страдания народа. На следующий день император Хирохито выступил по радио с эдиктом о прекращении войны и установлении «вечного мира». Люди не верили своим ушам. В течение почти десятилетия Япония вела войны, которые принесли народу неисчислимые бедствия и колоссальные людские потери, японцы испытывали огромные тяготы и лишения. Пропаганда на протяжении многих лет отравляла умы жителей Страны восходящего солнца, поэтому капитуляция представлялась как что-то нелепое, невозможное и бессмысленное. И хотя о поражении в войне сказал сам император, весь народ первое время не мог смириться с мыслью проигрыша Японией того, что, казалось бы, невозможно было проиграть. Страшное разочарование охватило обманутый народ.

15 августа кабинет Судзуки подал в отставку, призвав население мужественно перенести поражение в войне. 17 августа был опубликован эдикт императора с разъяснениями, в котором говорилось, что после вступления в войну России дальнейшее ее продолжение с точки зрения внутренней и внешней обстановки повлекло бы за собой новые большие жертвы и страдания и могло бы привести к потере «основ империи». «Поэтому,— отмечал император,— несмотря на высокий боевой дух нашей армии и флота, я обратился к Америке, Англии и России с предложением заключить мир»¹. В действующие армии были направлены представители императорской семьи (принцы), с тем чтобы они подтвердили правильность императорского рескрипта и способствовали укреплению духа солдат и офицеров перед капитуляцией, так как капитуляция расценивалась как дело даже более трудное и сложное в моральном отношении, чем любое сражение.

Но самые ярые противники капитуляции никак не желали смириться с объективной реальностью. При первой вести о капитуляции фанатично настроенные офицеры попытались в обход императорского рескрипта поднять путч. Однако солдаты Токийского гарнизона не поддерживали мятежников. Попытки помешать оконча-

¹ Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг., с. 576.

нию войны в разных войсковых частях продолжались еще несколько дней. Но к 26 августа они полностью прекратились.

После обращения императора к народу с рескриптом о капитуляции по стране прокатилась волна самоубийств в знак «солидарности с императором». В основном это были представители высшего руководства императорской армии и флота и чиновники из ближайшего окружения императора — ярые поборники «японского духа», идеологи фашистского Японского государства.

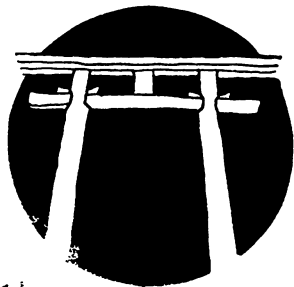
К 24 августа последние очаги сопротивления на континенте были подавлены — Квантунская армия сложила оружие, а 2 сентября 1945 года стало для Японии днем подписания акта о безоговорочной капитуляции. Акт был подписан на борту американского линкора «Миссури», бросившего якорь в Токийском заливе. Так закончилась вторая мировая война — самая кровопролитная в истории человечества. В борьбе за «великую Восточную Азию» и «божественного» императора японцы потеряли убитыми свыше 2,5 миллиона человек. Неисчислимы бедствия японский милитаризм принес и другим народам Азии. Моральное состояние японского народа вследствие поражения было тяжелым. Это явилось настоящей трагедией обманутых людей, которые верили, что смысл жизни заключается в служении императору. В то же время проигрыш в войне подтолкнул многих японцев к прозрению и переосмыслению «ценностей», навязанных народу милитаристами. Именно благодаря крушению националистических, шовинистических и религиозных идеалов появились миролюбивые силы, способные противостоять силам реакции.

Окончилась вторая мировая война, в которой Япония потерпела тяжелое поражение. С конца августа 1945 года началась оккупация страны. Американскими оккупационными войсками командовал генерал Макартур, который и стал фактическим правителем страны. Японское правительство существовало формально. Его политику определял штаб оккупационных войск (ШОВ). Была образована также Дальневосточная комиссия. В ее состав вошли представители стран, воевавших с Японией.

Какую же политику вели оккупационные власти? Они стремились подорвать позиции Японии в районе Тихого океана, что было выгодно США. Это можно было сделать, ликвидировав военную машину Японского государства и проведя демократизацию различных сторон жизни. Демилитаризации и демократизации страны требовали и советские представители в Дальневосточной комиссии.

В результате определенных усилий были проведены буржуазно-демократические реформы. Япония из монархического буржуазно-помещичьего государства превратилась в буржуазно-демократическое.

15 декабря 1945 года японское правительство получило от штаба оккупационных войск директиву «Об отмене государственного покровительства, увековечивания, руководства и распространения государственного синто». Таким образом,

ПОД ФЛАГОМ СИНТОИЗМА

религия синто полностью отделялась от государства. Она лишалась моральной поддержки со стороны официальных властей, а также финансирования. Все организации, связанные с храмовым синто, объявлялись распущенными, в школах и других учебных заведениях запрещалось распространение доктрины синто. В особенности это касалось концепций об «уникальности» Японского государства, «божественности» его главы — императора и исключительности японской нации, что являлось прежде основным аргументом в агрессивной политике Японии. По требованию оккупационных властей император вынужден был отказаться от идеи своего «божественного» происхождения и статуса первосвященника синто. В новогоднем обращении к народу, опубликованном 1 января 1946 года, он отрекся от своей «божественной» сущности и отметил, что японцы не должны рассматриваться как исключительная нация. Этот новогодний манифест получил в Японии название «Заявление императора о его человеческой сущности». Так американские оккупационные власти нанесли удар по идеологическим основам японского милитаризма.

Прекратив существование в качестве государственной религии, синтоизм, однако, продолжал оставаться семейным культом императора почти в том же неизменном довоенном виде. Разница заключалась лишь в том, что император и члены его фамилии производили богослужение и паломничества в синтоистские святыни не как официальные должностные представители, стоящие во главе Японского государства, а как частные лица. Во всяком случае это так преподносилось населению.

После войны синто продолжал сохраняться как национальная религия, почитающая богов-прародителей, также и в народных массах, где синтоистские обряды исполнялись в силу семейных традиций.

Ликвидация государственного синто, отделение религии от государства, установление свободы вероисповедания и ряд других важных положений юридически были закреплены в новой послевоенной японской конституции, вступившей в силу 3 мая 1947 года. Об императоре, переставшем рассматриваться в качестве живого бога, в конституции Японии говорилось: «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть» (ст. 1). В 4-й статье отмечалось, что император «не наделен полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти».

Центральным пунктом новой конституции был отказ «на вечные времена» от «войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров» (ст. 9). Это положение явилось тягчайшим ударом по реакционным силам. 20-я статья конституции гарантировала свободу религии для всех. В ней отмечалось, что «ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью». Там же говорилось, что «государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности». И еще один важный пункт конституции 1947 года заслуживает особого внимания: отказ государства от финансирования какого-либо «религиозного учреждения» (ст. 89)¹.

В целом послевоенная конституция в рамках буржуазного государства была демократична и прогрессивна. Она открывала перед японским народом ряд демократических свобод. Была декларирована свобода слова, печати, собраний, организаций; из тюрем освобождены все политические заключенные, в том числе и коммунисты. Избирательное право стало достоянием каждого японца. Разрешалось создавать профессиональные союзы, заключать коллективные договоры с предпринимателями, трудящиеся могли организовывать забастовки. Демократизации страны способствовали также демобилизация солдат из армии и флота, осуждение главных военных преступников, чистка всех организаций от милитаристских элементов, роспуск всевозможных профашистских и реакционных организаций и крупных монополистических объединений — «дзайбацу». Однако истинно демократические преобразования не входили в планы ни оккупационных американских властей, ни японского правительства.

Уступки японским трудящимся были сделаны лишь из боязни недовольства широких масс, измученных кровопролитной войной. Но вскоре после стабилизации обстановки в стране правительство взяло курс на ликвидацию демократических завоеваний и укрепление консервативных сил. Это устраивало и правящие круги Японии, и американцев. Вместе с тем каждая сторона преследовала свои цели. Американцы стремились к созданию на Дальнем Востоке мощного оплота антикомму-

¹ См.: Современная Япония, М., 1973, с. 756—773.

низма для противодействия странам социализма, которые появились после войны в Восточной Азии, и для сдерживания национально-освободительного движения развивающихся стран региона. В задачи правящих кругов Японии входило воссоздание своей былой экономической и военной мощи. Японские милитаристы и монополии не собирались складывать оружие. Но для этого необходимо было лавировать и приспосабливаться, так как вопрос о возрождении «дзайбацу» и вооруженных сил всецело зависел от Соединенных Штатов.

В сентябре 1951 года в Сан-Франциско были подписаны мирный договор между Японией, США, Англией, другими капиталистическими странами и американо-японский «договор безопасности». Цель последнего — сделать Японию участником американской агрессивной политики. В феврале 1952 года США и Япония заключили «административное соглашение». А 28 апреля 1952 года Сан-Францисский мирный договор, «договор безопасности» и «административное соглашение» вступили в силу. Оккупация Японии американскими войсками фактически прекратилась. При поддержке Соединенных Штатов стала возрождаться японская армия, которая начала свое послевоенное развитие с так называемого «резервного полицейского корпуса», затем переименованного в «силы самообороны».

Поддержка правительством военно-промышленного комплекса в условиях послевоенного развития науки и техники, разработка новой технологии сделали возможным в принципе переход к производству отечественного вооружения. Как отмечается в заявлениях японских промышленников, страна в настоящее время способна произвести любой вид вооружения, включая и ракеты, оснащенные ядерными боеголовками, если будет принято политическое решение. Что касается самих вооруженных сил, то они уже сейчас занимают по боевой мощи восьмое место в мире. В свою очередь, помощь, которую оказывает правящая ЛДП монополистическим кругам, и рост взаимозависимости между ними и военными помогают последним закрепиться в экономике и политике, что является опасной тенденцией¹.

Усиление в послевоенные годы реваншистских тенденций, появление большого числа реакционных и явно профашистских организаций позволили вернуться к требованию возрождения синто в его довоенном виде, так

¹ См.: Правда, 1984, 10 ноября.

как синтоизм, являющийся идеологическим оружием, можно было с успехом, конечно в завуалированном виде, использовать в деле милитаристской пропаганды.

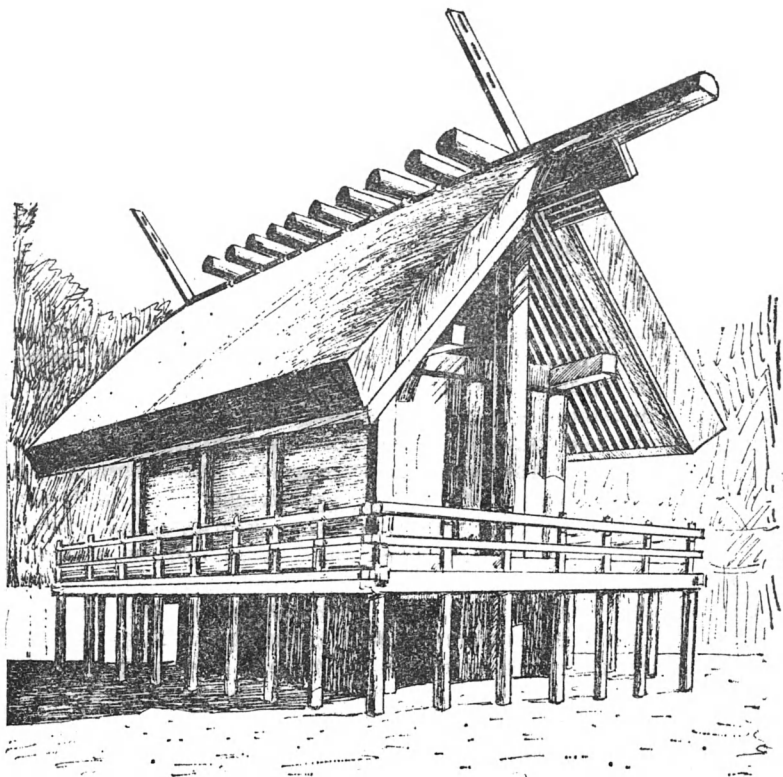
Синтоистские священнослужители и сами не теряли времени даром, ища пути сохранения влияния синтоизма на все сферы жизни Японии, пытаясь практически действиями вернуть синто его довоенные привилегии. Движение в этом направлении началось почти сразу же после отмены государственного синто. 3 февраля 1946 года высшим синтоистским духовенством было создано объединение синтоистских храмов и организаций — так называемое Дзиндзя хонтё — Центральная ассоциация синтоистских храмов. Ассоциация объединила более 80 процентов бывших государственных храмов синто, за исключением ряда крупных святилищ, которые объявили себя самостоятельными и независимыми религиозными организациями. В числе таких независимых единиц синто был и Ясукуни дзиндзя.

Синтоистское духовенство таким образом получило возможность в централизованном порядке осуществлять свои действия. При этом храм Исэ, посвященный великой солнечной богине, как и прежде, признавался центральным синтоистским заведением. В руководстве ассоциации центральное место занимало духовенство храмов, прежде непосредственно связанное с императором и императорской фамилией, что «определило крайне консервативный характер Дзиндзя хонтё, ее ориентацию на реакционные силы Японии»¹.

Действия Центральной ассоциации синтоистских храмов были поддержаны правящей Либерально-демократической партией Японии, милитаристскими, монархическими и всякого рода правыми шовинистическими и националистическими организациями. Основным направлением действий ассоциации, естественно, было восстановление прежних позиций синто в государстве, включая финансовую поддержку и т. п. Противниками подобного курса лидеров синто и реакционных кругов стали демократические силы Японии. В выступлениях общественных деятелей говорилось, что возрождение синтоизма прежде всего на руку политическим и финансовым лидерам, которые с помощью этой религии пытаются защитить Японию от коммунизма. При этом подчеркивалось, что синтоизм и демократия несовместимы².

¹ Светлов Г. Е. Путь богов, с. 191.

² См.: Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии, с. 94—95.

Главная синтоистская святыня — храм Исэ.

Особенно напряженная борьба противостоящих сил развернулась по поводу 20-й и 89-й статей конституции Японии. Эта борьба продолжается и сейчас. Изъятие 20-й и 89-й статей из конституции или пересмотр их означал бы восстановление статуса синто как государственной религии и как следствие — финансовую поддержку синтоистским храмам и организациям, то есть прямой возврат к довоенным временам. В настоящее же время государственных дотаций синто не имеет, однако местные власти часто оказывают содействие в сборе средств для проведения религиозных праздников и синтоистских ритуалов, для ремонта и строительства новых храмов синто. Причем в ряде случаев, например при сборе денег для главного храма синтоизма Исэ дзингу,

для святилищ Мэйдзи и Ясукуни, подобные кампании приобретают широкие масштабы.

Что касается храма Ясукуни, то он находится в Японии на особом положении. После оккупации страны американские власти практически запретили деятельность Ясукуни дзиндзя как опасного рассадника милитаристской пропаганды. Однако некоторое время спустя в защиту храма развернулась кампания, участники которой в настоящее время активизировали свою деятельность. Движение в защиту Ясукуни требует взять его под «опеку» государства.

Впервые законопроект о передаче Ясукуни в ведение государства был внесен в 1969 году. Правящей Либерально-демократической партии не удалось тогда превратить в жизнь эти планы, но борьба с каждым годом становится все сильнее. Обусловлено это прежде всего тем, что синтоистскому духовенству и милитаристским кругам удалось привлечь к святилищу внимание тех японцев, чьи родственники погибли в империалистических войнах, затеянных японской военщиной, и получили таким образом после смерти право находиться в символической могиле павших, коей является сам Ясукуни. Предлог широкомасштабной кампании в защиту Ясукуни дзиндзя прост — «читать должным образом память погибших в боях». При этом в число почитаемых в Ясукуни «божеств» не так давно (в 1978 году) были включены и военные преступники, осужденные Международным военным трибуналом. Этот факт особенно вызывающий и циничен, так как в одном и том же храме в одинаковой мере почитаются воины, погибшие в боях за «великую Японию» и «божественного» императора, и те, кому они обязаны своей гибелью, — преступники, пославшие солдат в огонь войны ради чуждых простому народу интересов империализма. Обожествляя получивших по заслугам милитаристов, синтоистское духовенство оправдывает все то, что совершила за годы кровавой войны в Азии и на Тихом океане японская военщина.

Начиная с 1975 года премьер-министр, а также члены японского правительства стали регулярно посещать Ясукуни. Депутаты правящей Либерально-демократической партии приходили сюда большими группами, иногда по сто человек и более.

В святилище собираются также ветераны империалистических войн, представители ультраправых националистических организаций, которые устраивают здесь свои милитаристские сборища. Сходки ветеранов прош-

лых войн в милитаристском храме приурочиваются обычно ко дню окончания второй мировой войны и носят название «встреч боевых друзей».

На территории Ясукуни дзиндзя создан специальный музей «воинских доблестей», чтобы привлечь население к храму и пробудить в нем «патриотические чувства». Центральное место в этом своеобразном музее, основные экспонаты которого располагаются как в помещении, так и под открытым небом, занимает печально известная «человеко-торпеда» («нингэн-гёрай»), управлявшаяся воином-смертником. Во время войны американцы выловили эту не сумевшую поразить цель торпеду, заботливо сохранили, а впоследствии передали японским властям. Выставлен в Ясукуни для обозрения также один из самолетов, которыми обычно пользовались летчики-камикадзе при атаках на военные корабли противника. В храме представлены личные вещи, письма и фотографии погибших смертников и прочие реликвии «славного» военного прошлого Японии.

Высшие члены правительства во главе с премьер-министром Японии ежегодно посещают храм «божественной» прародительницы императора Исэ дзингу — одно из наиболее почитаемых святилищ синтоизма. Примером для регулярного посещения главного синтоистского святилища правящими кругами государства послужили визиты японского императора с «докладами» богине о наиболее важных событиях, происходящих в стране.

Первым из глав японского правительства посетил святилище синтоистской религии в Исэ премьер Хатояма, когда он в январе 1955 года возглавил кабинет министров. Со второй половины 70-х годов все премьер-министры посещали Исэ¹. Визиты в храм высших чинов японского правительства и других высокопоставленных лиц осуществляются в обязательном порядке в начале года, а также каждый раз после формирования нового правительства, что, по сути дела, раскрывает официальный характер подобных посещений². Пребывание главы правительства и его министров в синтоистском комплексе Исэ длится обычно не более полутора часов. Как правило, визит высокого государственного деятеля в Исэ сопровождается его публичным выступлением.

¹ См.: Зайцев Е., Тамгинский И. Япония: Снова путь милитаризма, с. 152—153.

² См.: Светлов Г. Е. Путь богов, с. 194.

В начале 1987 года премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро, выступая там с речью, пообещал сделать 1987 год важным этапом в «подведении окончательных итогов послевоенной политики». А этот лозунг преследует прежде всего нарушение антивоенных принципов и наращивание военной мощи, «воспитание патриотизма» у молодого поколения, насаждение мыслей об «исключительности» японской нации, что было характерно для пропаганды довоенного и военного времени¹. Причем курс на милитаризацию в рамках кампании по «подведению окончательных итогов послевоенной политики» подкрепляется конкретными мероприятиями. На одном из последних в 1986 году заседаний кабинета министров правительством было принято решение о фактическом отказе от ограничения военных расходов в пределах одного процента валового национального продукта страны. Газета «Токио симбун» пишет, что спустя четыре с лишним десятилетия после поражения в войне страна вновь движется по пути превращения в военную державу. Газета отмечает, что уже в текущем году по военным ассигнованиям Япония вышла на четвертое место после США, Англии и ФРГ².

Таким образом, между посещением синтоистских храмов членами правительства и их решениями, направленными на воссоздание военного могущества, прослеживается четкая взаимосвязь. Это звенья одной цепи.

Большое количество паломников привлекают также и другие синтоистские храмы, связанные с почитанием императора и его предков, не только мифических, но и реальных. В частности, это относится к столичному храму Мэйдзи дзингу.

Не меньшей популярностью, чем Ясукуни дзиндзя, в последнее время стали пользоваться, особенно в среде «сил самообороны», и другие святилища, основанные в честь павших в боях воинов. Причем характерно, что в них стали обожествляться военнослужащие, погибшие при исполнении служебных обязанностей. Церемонии приобщения к сонму богов производятся в этих случаях синтоистским духовенством в соответствии с религиозными процедурами времен второй мировой войны³.

Все это уже можно считать практическими шагами к восстановлению религии типа государственного синто

¹ См.: Правда, 1987, 6 января.

² См.: Известия, 1986, 29 августа.

³ См.: Светлов Г. Е. Путь богов, с. 206.

довоенного и военного времени — проверенного идеологического оружия самурайского милитаризма.

Ежегодно число паломников в храмы синто составляет более половины населения Японии, особенно во время синтоистского праздника «хацумаири» — «первое посещение храма в дни нового года». Синтоистская церковь привлекает в храмы (особенно Ясукуни) и молодое поколение, проводя в святилищах экскурсии школьников и рабочей молодежи. Паломники приходят в синтоистские храмы Исэ и Мэйдзи, чтобы по традиции поклониться императору и его древним предкам. И это на руку реакционной пропаганде, которая использует традиции японского народа в своих политических целях.

С середины 60-х годов в стране начался экономический подъем («японское чудо»), способствующий росту международного авторитета и престижа Японии в мире. В этих условиях консервативные и националистические круги вновь заговорили о национальной японской «уникальности», оригинальности японского общества, личности, культуры и т. п. В связи с этим стали популяризоваться идеи монархизма и милитаризма.

В декабре 1966 года был восстановлен довоенный «праздник основания государства», который прежде назывался «кигэнсэцу» («праздник основания империи») и ежегодно проводился в императорской Японии в честь воцарения 11 февраля 660 года до н. э. на японском престоле мифического императора Дзимму. В 1948 году этот праздник запретили. По требованию правых и националистов он был возрожден под названием «кэнкоку кинэнби» («юбилейная дата основания государства»). Факт восстановления «праздника основания государства» прогрессивные японские ученые связывают с возрождением идеологии японского милитаризма. Примерами возврата к прошлому могут служить также усиление «морального воспитания», не отличающегося, по существу, от конфуцианско-синтоистских догм довоенной Японии, курс на пересмотр конституции с целью восстановления суверенности императора, введение в школьные учебники мифов, препятствующих развитию научного мышления у школьников, утверждение правомерности всех прошлых войн и т. д.¹

Показательно и вполне закономерно в складывающихся условиях заявление императора, сделанное им в

¹ См.: Кодзани Есисигэ. Современная философия: Заметки о «духе Ямато». М., 1974, с. 126—129.

1977 году, в котором он опроверг выступление 1946 года по поводу отказа от своей «божественной» сущности.

Как уже говорилось, в предвоенное (до второй мировой войны) и военное время синтоизм был объявлен своеобразной «надрелигией» — культом национальной морали и патриотизма, совместимым с исповеданием любой религии, с тем чтобы занять главенствующее положение в идеологии Японского государства, не вступая в открытый конфликт с другими религиозными течениями. Таким образом, государственный синто пропитывался империалистическим духом и становился религией крайнего национализма. Подобная же тенденция, измененная, однако, в соответствии со временем, появилась после войны. Идеологи синто, понимая, что идеи научного социализма приобретают в широких кругах японского народа все большую притягательную силу, способную оттолкнуть от синтоизма многих колеблющихся, пошли на извращение этих идей путем их «дополнения». Один из философов послевоенного синтоизма договорился до того, что стал аллегорически сравнивать космическую истину синто со сверкающим алмазом с гранями разной формы, число которых равнялось числу различных идеологий. Одна из этих граней, сравнительно большая, якобы символизирует марксизм-ленинизм¹. Итак, налицо попытка, хотя и нелепая, убедить японцев в том, что именно синто должен главенствовать во всем мире. Таким образом, старую идею государственного синто стремятся возродить на новом качественном уровне.

Современный синтоизм с его различными организациями активно поддерживает требования реакционных сил о пересмотре мирной послевоенной конституции Японии. В особенности это касается тех ее статей, которые отделяют синто от государства и таким образом лишают его финансовой поддержки, снимают вопрос об императоре как политическом руководителе нации и т. д. В целом, в области как внешней, так и внутренней политики синто занимает правые позиции, а перечисленные факты являются свидетельством укрепления тенденции к сближению синтоизма с государством, к возврату тезиса о «божественности» императора, что было характерно для довоенной Японии.

¹ См.: Арутюнов С. А. Современный синтоизм. — В кн.: Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии, М., 1970, с. 21.

Заключение

В конце XIX — первой половине XX века Япония, занявшая одно из ведущих мест в ряду капиталистических стран, превратилась в империалистическое государство с присущими ему, как и другим государствам, находящимся на стадии империализма, войнами. Обусловлено это было развитием монополий, поисками рынков сбыта и источников сырья, что толкнуло Японию на путь милитаризации и военных авантюр.

Для ведения войн, естественно, необходимо было не только военно-техническое оснащение соответствующего уровня, но и идеологическая подготовка масс, которая давала бы обоснование этим войнам, способствовала активному и осознанному действию людей. Одно из главных мест в системе идеологической обработки населения при подготовке и ведении захватнических империалистических войн сыграл синтоизм — древняя национальная религия японцев.

Идеологи синто в предвоенные и военные годы вели религиозную агитацию, умело используя исторические традиции японского народа и складывавшиеся обстоятельства текущего момента. Воздействовать на японцев с помощью синто не представляло особого труда, так как национальная религия исповедовалась большинством населения и получала, кроме того, практически неограниченную поддержку правящих кругов империи. На основании мифов был развит тезис об исключительности Японского государства и его «божественного» правителя — императора, ведущего свое происхождение от синтоистских богов, якобы создавших саму Японию и ее жителей. Соответственно и японская нация рассматривалась как избранная нация и в Азии, и во всем мире. Расчет был сделан правильно. Синтоистское положение об исключительности японского народа оказалось очень притягательным. Оно оказало сильное влияние, особенно на несведущую массу, эгоистичные склонности обывателя. В довоенной Японии такие идеи было легко привить людям, так как еще со школьной скамьи японцам преподносились мифологические сюжеты как действительные исторические факты.

В более позднее время в качестве подтверждения положения об исключительности японцев приводился обычно пример быстрого выхода Японии на мировую арену как развитого капиталистического государства, как страны, которой понадобилось для этого намного меньше времени, чем государствам Запада.

Религиозная пропаганда, поставленная в Японии на должный уровень, основанная на такого рода измышлениях, сделала многое. Она укрепила боевой дух солдат и матросов японской армии и флота. Таким образом, синтоизм непосредственно участвовал в подготовке войн и их ведении, милитаризм и синто шли одним путем.

После второй мировой войны, в которой японский милитаризм потерпел сокрушительное поражение, в Японии имелись все предпосылки и условия для мирного, демократического развития страны. Однако решение Соединенных Штатов Америки превратить Японские острова в форпост антикоммунизма на Тихом океане повело к восстановлению военно-промышленного потенциала Японии. Параллельно с наращиванием боевой мощи широкие масштабы приобрела идеологическая обработка населения в духе милитаризма и реваншизма, начали постепенно восстанавливать свои позиции различные религии, в том числе и синто. Происходит это при прямой поддержке японского правительства.

Настойчиво и планомерно ведется кампания, в ходе которой предаются забвению уроки прошлой войны. В то же время правящие круги Японии стремятся возродить былое. Как сказал председатель ЦИК Социалистической партии Японии Исибаси Масаси, Япония «возвращается к тем рубежам, где она была накануне второй мировой войны».

Но то, что было завоевано демократией в первые годы послевоенной жизни, искоренить не удалось. Произошла поляризация сил. Во главе прогрессивного движения стали Коммунистическая партия Японии и другие демократические партии и организации. В настоящее время силы демократии заняли прочные позиции, отстаивая принципы мирной конституции, выступая против японо-американского военного союза, за мир в регионе и во всем мире. Миротворческая общественность является собой мощный противовес в борьбе с реакцией.

Изменилась обстановка и на международной арене. Система социалистических государств — главный фактор, сдерживающий милитаристов. Вряд ли кто-либо, представляющий даже самые реакционные и милитаристские круги, не понимает, что сейчас ни один акт агрессии или использования военной силы против стран социализма не останется безнаказанным. Вместе с тем трудно представить, что может случиться, если современное оружие массового уничтожения попадет в руки людей, подобных тем, кому религия обещала после смерти «божественную» субстанцию, кого пропаганда в минувшую войну призывала к «самопожертвованию» и кто поддался этой пропаганде. Поэтому не допустить общечеловеческой трагедии и отстоять мир — вот что должно быть целью не только антивоенного движения Японии, но и каждого здравомыслящего человека на земле.

Литература

На русском языке

Арутюнов С. А. Современный синтоизм. — В кн.: Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.

Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968.

Зайцев Е., Тамгинский И. Япония: Снова путь милитаризма. М., 1985.

Кампании войны на Тихом океане: Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. М., 1956.

Кодзай Есисигэ. Современная философия: Заметки о «духе Ямато». М., 1974.

Кодзики: Запись о деяниях древности. — В кн.: Дневная звезда: Восточный альманах, вып. II. М., 1974.

Кодзики. — В кн.: *Конрад Н. И.* Японская литература в образах и очерках. Л., 1927.

Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1968.

Мифы народов мира, т. II. М., 1982.

Николс У., Шоу Г. Захват Окинавы. М., 1959.

Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л., 1947.

Светлов Г. Е. Путь богов (Синто в истории Японии). М., 1985.

Сондерс Э. Д. Японская мифология. — В кн.: Мифология древнего мира. М., 1977.

Шерман Ф. С. Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956.

Японский милитаризм: Военно-историческое исследование. М., 1972.

Япония сегодня. М., 1973.

На японском языке

Като Сэцудо. Нихон фудзониси (Японские нравы), т. 1. Токио, 1919.

Нихон-но мацури (Японские праздники). Токио, 1967.

Уонэ Дэнису, Уонэ Пэги. Докиюменто камикадзе. Токко сакусэн-но дзэмбо (Документы о камикадзе. Полная картина боевой тактики особой войны). Пер. Садао Сэно, т. 1—2, Токио, 1982.

На западноевропейских языках

Aston W. G. Shinto: The Way of the Gods. London — New York — Bombay, 1905.

Mozai Torao. The lost Fleet of Kublai Khan. — National Geographic, 1982, vol. 162. N 5.

Nitobe Inazo. Bushido. The Soul of Japan. Tokyo, 1907.

Suzuki D. T. Zen und die Kultur Japans. Stuttgart — Berlin, 1941.

Оглавление

Введение	3
Происхождение божеств синто и первые импе- раторы	7
Рождение «камикадзе»	17
Идеология самурайства	30
Обновление синто	44
В ореоле святости	58
«Камикадзе» — апофеоз фанатизма	72
Военный крах «страны, созданной божествами»	88
Под флагом синтонизма	98
Заключение	109
Литература	111

Александр Борисович Слеваковский

«Религия синто и войны»

Заведующий редакцией А. В. Коротняя
Редакторы Т. Н. Зенюк, Г. И. Кряжевских
Младший редактор И. Г. Мельниченко
Художник М. Д. Магарил
Художественный редактор И. В. Зарубина
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор В. Д. Чаленко

ИБ № 3711

Сдано в набор 05.06.87. Подписано к печати 11.08.87. М-38329. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,30. Уч.-изд. л. 6,36. Тираж 50 000 экз. Заказ № 184. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лени-
издат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени ти-
пография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Храм Ясукуни — символическая могила миллионов японцев, погибших в империалистических войнах. Это синтоистское святилище было тесно связано с самурайским милитаризмом и сыграло определенную роль в пропаганде минувших военных авантюр Японии. Таковым оно остается и сейчас, распространяя милитаристские и реваншистские идеи.

Лениздат

